

Давид Робитов

16+

Тиран

Книга из сборника Время Феофано

Давид Робитов

Тиран

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Робитов Д.

Тиран / Д. Робитов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-07324-1

10 век. Никифор Фока неожиданно для себя стал государем великой империи. Непростое наследство досталось ему. Итальянские территории захватил немецкий король Оттон. С севера тревожили грабежами венгры и болгары. На юге бесчинствовал сирийский эмир. А Средиземное море оккупировали многочисленные пираты, которых поддерживал халиф исламского государства северной Африки. В государственной политике государь опирался на советы близких людей, а в многочисленных войнах – на федератов и союзников. И основными союзниками в войне Никифора стали княгиня Ольга и Великий князь варяжской Руси Святослав Игоревич.

ISBN 978-5-532-07324-1

© Робитов Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава первая: свадебный поход	5
Глава вторая: Тарс и Сицилия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава первая: свадебный поход

Наступила весна. В эту пору расцветает природа. Распускаются цветы и по-особенному поют птицы. Воздух пропитан ароматом любви и созиданием новой жизни.

Понтифик Иоанн XII, как и все прочие Божьи дети, целиком отдался этому зову Природы. В буквальном смысле папа проявлял свое человеколюбие и попечение о нуждающейся пастве с удвоенной энергией.

Но любовные приключения отвлекли отца Иоанна от наблюдения за своими врагами. С помощью продажной женщины его выманили за пределы Рима. И вскоре его нашли там с проломленной головой. Ватикан пребывал в растерянности. Кто посмел убить папу? Может разъярённый муж этой женщины? Епископ Лиутпранд Кремонский как официальный представитель императора Запада настоял, чтобы следователи не будоражили прихожан слухами. Народу было объявлено, что понтифик Иоанн XII умер от того, что Сатана «стукнул его по голове», что являлось метафорой для апоплексии.

Немедленно был собран поместный собор епископов и архидьяконов Ватикана, чтобы избрать нового главу латинской Церкви. Кандидатуру Льва VIII, бежавшего в Равенну даже не рассматривали, как низложенного ранее. На должность понтифика был единодушно избран кардинал – архидьякон Бенедикт Грамматик¹. Монах, который ранее распорядился церковным имуществом: раздавал милостыни, заботился о содержании сирот, вдов и вообще всех пользующихся церковными пособиями. Его в народе называли ангелом порочного папы Иоанна. Собравшиеся на соборе кардиналы надеялись, что кандидатура нового понтифика не вызовет возражений у императора Оттона, поскольку Бенедикт был образцовым монахом.

Но они ошибались. Образцовое поведение, добродетель и прочая «чушь» интересовали Оттона² в последнюю очередь. И лишь для того, чтобы оправдать свой диктат в церковных делах. Немецкому Каролингу, прежде всего, нужна была безоговорочная преданность и исполнительность римского иерарха. И дьякон Лев, в качестве понтифика, его устраивал больше, поскольку тот своим возвышением был обязан исключительно государю восточных франков.

Германские бароны служили под знаменами государя лишь сорок дней в году. Поэтому Оттон прибыл в Италию с отрядом личных телохранителей. В Равенне он спешно провел мобилизацию ополчения и выступил в сторону Рима. Расположившись войском у стен Вечного города, Оттон призвал к себе папу Бенедикта на переговоры.

Разве мог монах, прославившийся делами милосердия противиться деспоту, строящему власть на крови? Император обещал, что сохранит жизнь монаху, если тот принародно отречется от сана Верховного понтифика.

И вот Лев VIII вновь занял папский трон в Латеранском дворце. Туда же пригласили кардиналов и представителей мирян. Вместе с несколькими сторонниками Бенедикт в папских одеждах был приведен ко Льву, который спросил его, как тот осмелился занять кафедру Святого Петра, в то время, когда Лев был еще жив. Бенедикт ответил: «Если я согрешил, помилуй меня» и бросился к ногам Льва. В тот же день Лев созвал синод, который отменил рукоположение Бенедикта. Однако, благодаря заступничеству Оттона, Бенедикту Грамматику разрешили сохранить сан диакона. Его отослали в качестве дьяка в языческие земли, в приграничный Гамбург³. С просветительской миссией к славянам ободритам.

---

¹ Бенедикт V (Бенедикт Грамматик; ? – 4 июля 966, Гамбург) – папа римский с 22 мая по 23 июня 964 года.

² Оттон I Великий – герцог Саксонии в 936—961 годах, король Германии с 936 года, император Священной Римской империи с 962 года, король Италии с 961 года.

³ Гамбург портовый город в Германии. Расположен у места впадения реки Эльбы в Северное море.

Император Оттон нуждался в войнах. Еще больше он нуждался в денежных поступлениях. Их могла обеспечить Всемирная торговая организация рахдонитов. Но для этого надо было прокладывать новые северные караванные пути. Безопасные и проходящие мимо византийских таможен. В перспективе – через Северное море. К сожалению, северные славяне были воинственны и не предсказуемы. Они верили в своих Богов и жили вольно. Около ста лет уже велась война за души северян, чтобы сделать их послушными Каролингам.

Оттон понимал, что пока в капище Аркона на острове Буяне⁴ стоит святыня Севера – идол Святовита, не разрушить единства северных народов и не покорить их. Это были разные племена, но старая вера их объединяла. И выиграет гонку за души норманнов и главенство на Северном море тот, кто раньше разрушит Аркону. И надо было торопиться. Византия уже простерла свои объятия восточным славянам – Киевской Руси. Подмять под себя полабских славян – вот ближайшая задача, которая стояла перед императором Запада и его Церкви.

Но немецкому королю катастрофически не хватало времени. После того, как римская знать присягнула над могилой святого Петра в верности папе Льву, Оттон покинул Рим и вернулся в Равенну. Император опасался недовольства и вмешательства Константинополя. Он понимал, что вся его власть развеется как дым, если на стороне Рима выступят легионы Византии. Стиснув зубы в вынужденном бездействии, он заставил себя остаться в Равенне, чтобы наблюдать за событиями. А своему послу в Константинополь Лиутпранду, поручил сделать все возможное, чтобы отвести глаза Владыки Никифора от западных проблем.

Наступила весна, но базилевс Никифор⁵ не тропился покидать Константинополь и отправляться на завоевание Азии. В Константинополе собрался синклит, чтобы обсудить положение в Риме и Италии. Сенаторы выказали свою озабоченность вмешательством царя восточных франков в церковные дела Рима. На слушания пригласили посла, епископа Лиутпранда Кремонского.

В кратких словах посол описал, как иерарх латинской Церкви прелюбодействовал в Ватикане: «Иоанн XII был разбойник, убийца и кровосмеситель, недостойный представлять Христа на папском престоле. Этот отвратительный священник осквернял кафедру Святого Петра в течение девяти долгих лет и заслуживает того, чтобы называться самым мерзким из пап».

А затем прямо возложил вину на Константинополь: «...И все это происходило при попустительстве Вселенского патриарха Полиевкта⁶».

Завладев вниманием сенаторов, Лиутпранд продолжал свой доклад:

– Зато всем известно, что при дворе государя Оттона его супруга Адельхейда ввела в обиход строгие обычаи и достоинства. Не похожие на повсеместные. – Посол намекал на сомнительную женитьбу Никифора и актерское мастерство Анастасии. – И Адельхейда – законная наследница трона Италии, не могла без боли наблюдать, как ее вотчина превращается в царство блуда. Лишь отвечая на мольбы верующих, и по просьбе своей благочестивой супруги государь Оттон с войском перешел Альпы. Его стараниями, наконец, кафедра Святого Петра в Риме обрела достойного архиепископа. Но ересь и блуд хорошо укоренились на итальянской земле. Ее выкорчевка требует времени.

Подчеркнув достоинства своего хозяина, посол плавно сменил тему и обратил внимание сенаторов на проблемы, которые должны были отвлечь Владыку Никифора от дел в Италии:

– Последний законный Владыка вселенной и единой Римской империи скончался, – подчеркнул слово «законный» Лиутпранд. – Севаст Никифор Фока – оплот веры, показывает силу Креста на территориях Азии. Пусть же государь Никифор оставит государю Оттону право устанавливать Святой Крест на территориях Западной Римской империи, занятых еретиками и

---

⁴ Современный Рюген – остров в Балтийском море. Крупнейший остров в пределах Германии.

⁵ Никифор II Фокá (ок. 912 – декабрь 969) – военачальник, затем византийский император (963—969).

⁶ Патриарх Полиевкт (ум. 5 февраля 970) – Патриарх Константинопольский с 3 апреля 956 по 5 февраля 970.

язычниками. И пусть они будут как два августа самодержца во времена тетрархии⁷: Никифор – император Востока, а Оттон – император Запада. На все время, пока не подрастут цезари, законные наследники Владыки вселенной.

Государь Оттон, как никто другой понимает какой груз ответственности перед Богом и людьми испытывает молодой государь Никифор. В свое время Никифор истребил гнездо еретиков и пиратов на Крите. Но теперь эти морские разбойники расположились на Сицилии. Они вторгаются в Ломбардию, разоряя города на побережье Италии. Если базилевс Никифор претендует на роль вселенского Владыки, то должен покончить и с этим гнездом пиратства.

Реакция сенаторов на это заявление была неоднозначной. Не придя к единому мнению, синклит перенес заседание.

На следующий день в приватной обстановке во дворце Никифор обсуждал со своим братом Львом внешнюю политику Византии. Остановились и на докладе посла Лиутпранда. Вскоре к ним присоединился и патриарх Полиевкт.

– Что думает патриарх по поводу выступления посла? – Обратился Никифор к нему.

– Этот нечестивый еретик посмел на собрании синклита обвинить меня в попустительстве, если не сказать покровительстве блудницам, назначавших епископами Рима своих любовников. И ставит в заслугу своему варварскому господину наведение порядка в Италии! – Возмущенный Полиевкт не скрывал эмоций. – А наши литургические драмы и церковные обряды этот варвар называет языческими.

– А еще он прозрачно намекнул, что, якобы ты занял трон Владыки вселенной незаконно, – добавил Лев. – Ни по крови, так как ты не являешься прямым наследником Романа, ни по юридическому праву, так как тебя не избирали в Организации Объединенных народов. И царь Арийстана, местоблюститель Владыки не передавал тебе скипетр власти.

– И еще этот, так называемый епископ причастен к распространению о тебе компрометирующих слухов, – обвинил посла патриарх.

– В конце своего выступления посол вспомнил о тетрархии принятой в Римской империи, – тут же добавил Лев. – От имени зарвавшегося немецкого Каролинга Оттона он предложил тебе именоваться августом императором греческим. И править восточной частью Римской державы. Своего же господина он предлагает называть августом императором латинским и отдать ему западную часть державы, намекая на то, что ты с ним ровня. Согласившись на это, мы подтвердим, что единого Римского государства больше нет.

– Кем этот варвар себя возомнил? Священные обряды и развратная жизнь некоторых епископов это не одно и то же! – Эмоционально, но уже более спокойным голосом продолжал отец Полиевкт. – А как сам Лиутпранд стал епископом, если не был перед этим ни монахом, ни диаконом? Не это ли вопиющее вмешательство в дела Церкви?

– Может отправить этого посла на площадь Быка? – Тут же предложил Лев.

– Успокойтесь оба. – Ничто не могло вывести Никифора из благодушного состояния. – Казнь посла была бы равнозначна объявлению войны. Еще рано. Пусть рекс восточных франков называет себя хоть августом императором, хоть Господом. От этого он не станет равным мне. Одна продажная шкура продает титулы, другая шкура не стесняется примерять их на себя. И дело даже не в титулах, которыми торгует Ватикан. В Болгарии царь Петр тоже величает себя императором болгарским, а Ашот Милостивый⁸ – императором армянским. Все они претендуют на равенство с государем Византии. Похвально их стремление, но это им не по статусу. Кто забыл, а кто расчетливо умалчивает, что базилевс Византии является законным Владыкой

⁷ Тетрархия (греч) – правление четырёх, четверовластие. Система управления Римской империей, введённая императором Диоклетианом в 293 г.

⁸ Ашот III Вогорматц (Милостивый) (ум. 977), – царь царей (шахиншах) Армении в 952—977 гг. Из династии Багратуни, сын Аббаса.

вселенной со времен самодержца Василия Македонянина⁹. И, следовательно, он первый среди равных и вправе судить их. И залогом этого стал Владыка вселенской Церкви – патриарх Константинополя.

Пускай я не по крови наследник Романа. Пускай юридически не избран на совете Организации Объединенных народов. Зато я женат на вдове-регентше Владыки. И на владычество меня помазал Владыка вселенской Церкви. Я правильно говорю, папер Полиевкт?

– Нет никаких сомнений, – согласился отец Полиевкт. – И латинский, и армянский экзархи давно пытаются обособиться. Но несмотря ни на что все эти Церкви вращаются вокруг единого центра, несмотря на возникающие разногласия. И центр этот – старейшая кафедра Святого Андрея в Константинополе.

– А как же кафедры Антиохии и Александрии? Почему ты не говоришь о них? – спросил Лев. И отца Полиевкта понесло:

– Церковь Константина не смогла победить ереси первохристианских общин в этих епархиях изначально. Они, как и мусульмане, находятся под сильным влиянием иудейства. Коленопреклоненно молятся в молельных домах и не приемлют иконы. Подобно египтянам обрезают крайнюю плоть и приносят ее в жертву Богу. Борясь за души кочевников Тартарии, их богословы объявили Аллаха одним из имен Отца Небесного.

Никифор и Лев слушали патриарха не перебивая. Дождавшись, когда Полиевкт остановиться, чтобы перевести дух, Никифор заметил:

– Кочевники степи хоть и грозные, но бесхитростные, как дети. Мы, получаем наемников из Тартарии во имя Господа, другого имени Отца Небесного. Как обстоят у нас дела с миссионерством в восточной Европе, патриарх?

– Для усиления миссионерской деятельности среди новообращенного христианского населения Хазарского каганата патриархом Фотием I¹⁰ была создана Доросская митрополия¹¹, с центром в готском городе Дорос на Таврии. Она состояла из семи епархий: Хоцирской – на Таврии, Оногурской – в северном Приазовье, Астильской – в городе Атиле в устье Итиля, Хвалской – в верховьях Итиля, Ретегской – в городе Семендер в устье Терека, Гуннской – в городе Архыз в Аланских горах и Таматархской – в городе Таматархе в устье Сакира.

Позже, при патриаршестве Николая Мистика¹², чтобы противостоять агрессивной исламизации Кавказа, Гуннская епархия была выделена и переименована в Аланский церковный округ. В Константинополе для епархии Алания был поставлен архиепископ Петр. Но он не преуспел в своем деле, – обстоятельно рассказал отец Полиевкт.

– Людские ресурсы Тартарии не беспредельны. – Перевел разговор на более близкую тему Лев. – Со времен Святых отцов Златоуста и Фотия там основываются епископаты Вселенской Церкви. Вовлекая славян в круг союзников и федератов Византии. Но и немецкий король Оттон, тоже черпает воинов в славянских царствах. Не смущаясь, отрезая куски от нашего «пирога». Для этого он посылает миссионеров, склоняя славянских вождей к обрядам латинского экзарха. Потом ставит своих «ручных» епископов и управляет вождями, как марионетками. Западная окраина болгарского царства тому наглядный пример. Там, где местные архонты уже поменяли греческие обряды на латинские. Скоро миссионеры Оттона доберутся и до наших союзников из Самбатоса, который теперь чаще именуют Новым Киевом.

⁹ Василий I Македонянин (ок. 811/836 – 29 августа 886) – византийский император (867–886), основатель Македонской династии.

¹⁰ Патриарх Фотий I (ок. 820–896) – богослов, Патриарх Константинопольский (858–867 и 877–886 годы)

¹¹ Доросская митрополия Константинопольского патриархата – учреждена на базе готской епископии, с центром в городе Дорос (совр. Мангуп), полуостров Таврия (Крым). Митрополия, объединяла новообращенное христианское население Хазарского каганата (и, возможно, Хорезма).

¹² Патриарх Николай Мистик (852 – 15 мая 925) – Патриарх Константинопольский в 901–907 и 912–925г.

Наступила пауза, во время которой все по-своему вспомнили времена просвещенного государя Константина Багрянородного.

– Так что же будем делать с немецким королем? – Снова вернулся к сегодняшним проблемам Лев. – Надо думать не просто так он подминает под себя земли вдоль Данубия. Там проходят караваны рахдонитов из Всемирной торговой организации из Атиля. Наверняка они оплачивают Оттону все военные расходы.

– Ну что же. Подведем итог, – сказал Никифор. – В Италии речь идет о наследстве Адельгейды. Зачем обижать женщину. Должно же у нее быть хоть какое-то приданное.

– Надеюсь, сыновья маркграфа Беренгара оспорят это, – заметил Лев.

– А вот торговцев из Атиля надо наказать и заставить платить пошлины не королю немцев, а нам. И для этого надо «расшевелить и потрепать» их караванные пути, – продолжил Никифор и обратился к патриарху. – Патер Полиевкт. Наведайся с визитом к Иверскому каталикосу, в храм Святой Софии в Песонке¹³. Намекни ему, что христиане в соседней Алании стали слишком притесняемы малехом Атиля. Не пора ли царю из Кутатиси помочь единоверцам в соседней епархии. И не пора ли монахам Нового Афона заняться просветительской миссией в Таматархе? – Дал указания отцу Полиевкту Никифор.

– А я поговорю с севастой Феофано. Она ведет дружескую переписку с регентшей Ольгой-Еленой¹⁴ Киевской, которая давно мечтает о землях в западной Хазарии. Женщина скорее поймет женщину. Пусть царица Ольга-Елена начинает пограничные стычки с Атилем на Танаисе¹⁵. Война внесет поправки в привычный путь рахдонитов через Русское море к устью Истра¹⁶. Благодаря нашим друзьям и союзникам, порты Таматархи и Танаиса станут не безопасными для них.

Никифор сделал паузу, давая возможность отцу Полиевкту и Льву осмыслить и обсудить его решение. А пока они рассуждали, вызвал секретаря, чтобы дать указания для подготовки необходимых эдиктов.

– Вот еще что хочу сказать, – снова обратился к брату и патриарху Никифор. – Моя духовная супруга Анастасия является хоть и незаконнорожденной, но все же сестрой для дайламской династии Мусафиридов. Как сказал патер Полиевкт, мусульмане Азии берут наемников в Туране. Стараниями севасты Феофано и проедра Василия, с эмиром Атропатены Ибрахимом Мусафаридом и багдадским султаном Ахмедом Буидом, заключен мир. Значит, потока наемников из Турана Сирии не видать.

– Из Африки тоже, – добавил Лев. – Наместник Багдадского халифа в Египте обороняет свои границы от карматских войск халифа Ифрикии. Ему нет дела до проблем Сирии. К тому же нас связывают экономические связи. Бюрократы из ведомства Василия обновили договора на поставку зерна из Египта.

– Что же тогда остается сделать мне? – Никифор сделал эффектную паузу и закончил – Воспользоваться этим. Мне и моей духовной супруге положено свадебное путешествие. И это будет не поход, а увеселительная прогулка по землям эмира Хамдана! Доместик Востока Цимисхий обеспечит нам охрану и покажет севасте Феофано яркие и красочные зрелища по захвату крепостей.

– Всем нарезал дел, в том числе и себе, – проворчал Лев. – А что прикажешь делать мне и Мануилу?

– Ну, брат, – улыбнулся Никифор. – Кто-то же должен остаться в столице, чтобы управлять государством и пресекать брожения столичного плебса. Ты курапалат, вот и оставайся

---

¹³ Современная Пицунда – город в Абхазии.

¹⁴ Княгиня Ольга, в крещении – Елена (около 893/920 – 969) – правившая Киевской Русью с 945 до 960 года в качестве регента при малолетнем сыне Святославе.

¹⁵ Современная река Дон.

¹⁶ Современное устье реки Дунай.

в Константинополе вместе с проедром Василием. Тебе предстоит нелегкая работа по приему посольств и сбору донесений. По принятию решений судебных разбирательств. Ну а Василию – работа по сбору налогов. Скучно вам точно не будет.

И еще. Мне плевать на то, что думает обо мне император западных варваров. Но в чем-то посол Лиутпранд прав. Всех кого я не добил на Крите, расположились теперь на Сицилии. Берберские пираты создают прямую угрозу нашим провинциям на юге полуострова. Герцогство Калабрия уже как-то хотела признать власть эмира Сицилии и отделиться. Не будем повторять прежних ошибок.

Так что вот и тебе задача, брат. Убеди синклит выделить средства на сицилийскую компанию. Собери и отправь туда экспедиционный легион. Твой сын Мануил быстрее станет «своим» среди стратигов западных провинций, показав себя в качестве успешного командующего. Друнгарий флота Никита перебросит экспедиционный легион Мануила на остров. И дальше будет присматривать за ним. Благодетельный евнух должен стать противовесом молодому и вспыльчивому Мануилу в предстоящей компании.

– Это будет легко, – заметил Лев. – Население острова, завоеванное мусульманами, в основном христианское. Хотя там много и торговых общин иудеев. Что ж, пожалуй, действительно пора возобновить битву «новых карфагенян» и «новых римлян» за старушку Сицилию, – согласился курапалат.

Когда весенние ветра сменились спокойной, приятной летней погодой, Никифор объявил поход против сирийцев и выступил из столицы. В свой свадебный поход Никифор отправился вместе с Анастасией. Детей оставили в столице под опекой цезаря Варды Фоки. Этот поход, по замыслу Никифора должен был проходить по живописным местам двух Армений и завершиться в Киликии.

И действительно, этот поход поначалу больше напоминал загородную прогулку. Проезжая по государственным землям, Никифор дарил Анастасии понравившиеся ей поместья. Неспешно Священная чета достигла Кесарии Каппадокийской, возле которой domestик Востока Иоанн Цимисхий уже собрал небольшое, но боеспособное войско.

На большом пустынном поле возле крепости был устроен смотр легиону. Священная чета могла любоваться масштабным зрелищем с высоты крепостных стен. На ветру развивались штандарты, ослепительно сияли начищенные доспехи. Кагорты показали свое мастерство в перестроениях. По сигналу труб, легионеры строились с марша в боевые порядки, вели наступление, меняли его направление и переходили к обороне.

На следующий день конница показала свою выучку: либо собираясь в атакующее острие, либо разворачиваясь в широкую «лаву». Затем были проделаны такие упражнения, которые не практиковались в конницах с большим числом участников. Две шеренги всадников, одинаково разомкнутых, потрясая пиками мчались навстречу, проходя одна другую насквозь. В заключение были устроены конные состязания с элементами «джигитовки», перенятые у федератов. На скаку всадники метали копьё в чучела, пускали стрелы, рубили и преодолевали препятствия.

На третий день были устроены конные игры. Именно в игре хороший всадник может показать все свои лучшие качества как всадника: легкость, гибкость, смелость и ловкость на коне. С полутораметровыми обломками палок в палец толщиной. Две шеренги, одинаково разомкнутых на 6 – 8 шагов, становились на некотором расстоянии одна против другой. Всадники обеих шеренг по очереди выезжали вперед, приближались к своему визави и бросали в него палкой, делая при этом, как бы вызов. Тогда всадник, в которого был направлен вызов, бросался с места на противника, стараясь настичь его копьем. А этот последний, сделав крутой, но умелый поворот, старался улизнуть и уклониться из-под удара. Таким образом, завязывалась игра, в которой принимали участие все остальные всадники, стараясь не упустить случая, чтобы выручить своего товарища.

При этом зрителям случалось видеть примеры поразительной ловкости управления конем и копьем. Часто ловкий всадник лихо уклонялся из-под удара нескольких его преследующих. Причем иногда ему удавалось на ходу поднять кем-нибудь оброненное копье и, затем ловко уловить минуту, в свою очередь нанести удар... Нередко игра велась в бешеном темпе, с редкой ловкостью и смелостью. Бывали случаи падения, а равно случаи довольно серьезных ударов палкою, но все это было ничтожно по сравнению с захватывающим дух интересом такой игры.

Во всех этих состязаниях и играх Иоанн Куркуас был среди первых. Его геройская душа была бесстрашна и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой. Лицо он имел белое, здорового цвета, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный. Борода была вверху рыжая, правильной формы и не подстриженная. Он был роста малого, но с широкой грудью и спиной. В нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью. Он так метко направлял дротик в цель, что тот пролетал через отверстие величинной с кольцо. В этом он превосходил даже прославленного Гомером островитянина Одиссея, стрелы которого проходили через проушины в секирах.

Победителей соревнований чествовала сама севаста Феофано. Возлагая лавровый венок победителя на его рыжую шевелюру, Анастасия тогда впервые взглянула на него особым, оценивающим взглядом женщины, волей судьбы лишенной мужских ласк. Она вдруг обратила внимание на его молодцеватость, стать, рыжие кудри и дерзость во взгляде. Тогда еще, она постаралась выбросить его образ из своей головы.

Убедившись в боеспособности легиона, Никифор из страны каппадокийцев, неспешным маршем перевалил через хребет Центрального Тавра, отделяющего с юга Каппадокию от Киликийской равнины.

Топарх крепости Аназарба¹⁷ уже сталкивался с ромеями в прошлом году. И год назад и теперь он поступил мудро. Он выехал навстречу Никифору вместе с городскими старейшинами. Эмир смиренно предложил Никифору откуп, признавая его своим государем. Так же поступили и некоторые другие эмиры приграничных крепостей. Этим они сохраняли за собой власть и свободу для своих подданных. Базилевс великодушно принимал дань и проходил мимо крепостей изъявивших покорность.

Из поднесенных базилевсу даров Анастасия выбирала себе украшения и драгоценности. Их Никифор преподносил ей в дар. Этот бережливый, суровый и строгий человек осыпал Анастасию великолепными подарками, чудесными одеяниями и редкостными драгоценностями. Он окружал ее самой утонченной и ослепительной роскошью.

И так продолжалось, пока легионеры не достигли стен неприступного города Тарса¹⁸. Эмир крепости не зря гордился многочисленностью своего войска и флота. Его доблестью и умению в военном искусстве. Тарсийцы открыто, с непомерной дерзостью часто совершали неожиданные набеги на приграничные поселения и греческие острова Средиземного моря. И хотя в год свадьбы базилевса Романа, флоту Тарса византийцами было нанесено сокрушительное поражение, эмир надеялся на реванш.

Подойдя к городу, Фока расставил со всех сторон дозоры, соорудил укрепленный лагерь и приступил к осаде. Но осажденные тарсийцы были в изобилии снабжены припасами. И еще они надеялись на мощь городских укреплений. Ведь стены Тарса были недостижимой вышины и двойным кольцом окружали город. За внешними стенами был вырыт очень глубокий ров, выложенный тесаными белыми камнями и составлявший со стенами одно целое. Через город протекала река Кидн, которая разделяла город на две части, а берега ее были соединены внутри города тремя мостами. Эта река, полноводная уже у истоков, холодна и прозрачна на всем своем протяжении, служила дополнительной защитой для Тарса. Когда к крепости подходил

¹⁷ Анаварза, Аназарб (арм), Цезарея, Юстинополе – город-крепость в Киликии на территории Турции.

¹⁸ Тарс, Тарсус – главный город Киликии в Турции. Расположен на реке Тарсус-чай (в древности Кидн).

неприятель, горожане открывали реке доступ в ров, и уже через час вода в нем выходила из берегов. Так было проделано и в этот раз.

Тарсийцы горожане открыто насмеялись над Никифором. «Убирайтесь прочь «хачики» или поставим «хач» крест на ваши могилы», – так они оскорбляли ромеев без всякого страха с высоты своих стен. А по ночам совершали дерзкие вылазки и нападения, убивая многих легионеров.

Пробыв у стен города некоторое время, Никифор убедился, что с наскока эту крепость не взять. А между тем севаста Феофано подвергалась опасности. Не в его характере было отступить, да еще осыпанным оскорблениями врагов. Но в этом случае Никифор, скрепя сердце, отступил.

Зная его, можно было не сомневаться – участь Тарса была предрешена. Не сейчас, так чуть-чуть позднее.

А пока Фока велел Цимисхию свернуть лагерь и развернуть войско в обратный путь. Возвращались легионеры по дорогам, где располагались крепости и города менее укрепленные.

Адана была первым значительным пунктом на их пути. Богатый торговый город, соперник Тарса по значимости. На берегу судоходной реки в 50 км от берега моря. Ущемленное самолюбие Никифора и злость легионеров, не получивших ожидаемой добычи, сошлись в единой цели. Город-крепость был взят с первого же приступа. Адана была разграблена, опустошена и разрушена.

Цимисхий, не задерживаясь, повел легион дальше. Так, с ходу он захватил еще свыше двадцати подобных укреплений. Но после взятия и разорения Аданы, Никифор запретил Цимисхию разрушать крепости. В укреплениях покоренных поселков Фока, как и в предыдущем походе, распорядился оставлять гарнизоны из безземельных ветеранов, под командованием наиболее отличившихся предводителей. Оставшихся в живых жителей, не пожелавших сменить веру, велел оставлять в качестве рабов и слуг у новых хозяев.

Захват незначительных городков и поселков подобной армией больше напоминал театрализованное представление. С какой-нибудь возвышенности Фока показывал и объяснял Анастасии смысл передвижения войсковых масс, их маневры, штурмы и действия метательных орудий.

Издали не были видны кровь, увечья и смерть. Тем более царственным особам не показывали весь ужас, происходивший на улицах городов, подвергнувшихся разорению и разграблению. Им были не слышны мольбы и крики местных жителей, которых лишали всего, даже одежды на теле. Издали Никифор показывал Анастасии колонны обнаженных людей, скованных цепями за шею. Часть из них он тоже дарил своей супруге, как и ценности из доли, отобранной для царской казны. Рабам предстоял долгий путь к ее новым поместьям.

Последним значительным городом, по пути домой, была Мопсуэстия¹⁹. Старинный город, переживший не одно нашествие врагов. Он располагался в горном массиве Центрального Тавра, ограждавшего с севера Киликийскую низменность. Поговаривали, что когда-то в этих местах обитал знаменитый Али Баба и орудовала банда из сорока разбойников.

Топарх города, надеясь на крутые склоны и неприступные стены, не пожелал сдать крепость. И тогда Никифор обложил ее со всех сторон и стал осаждать, обстреливая ее со всех сторон из метательных орудий. Жители Мопсуэстии, в свою очередь оказали отважное сопротивление. Они защищались изо всех сил, сбрасывая с башен на ромеев тяжелые камни и обстреливая метательные орудия огненными стрелами.

Такая безрезультатная война продолжалась недолго. Наступили холода. Осада могла затянуться на неопределенный период. Поэтому в 20-х числах декабря 964 г. Никифор снял осаду Мопсуэстии и отошел в пределы ромейской державы. Вступив в Каппадокию, Никифор

---

¹⁹ Мопсуэстия – старинный город в Киликии, современный Мисис.

напомнил стратиотам, что за зиму они должны привести в порядок оружие, наострить мечи, позаботиться хорошенько о лошадях и с наступлением весны воротиться к нему. После этого распустил легионеров по домам. Оставив Цимисхия завершать дела в Кесарии, Священная чета, налегке, в окружении лишь тагмы телохранителей поспешила в столицу.

По прибытии в Константинополь, Никифора встретил, широко распахнув объятия, его брат Лев:

– Никифор! Поздравляю тебя с очередной победой! – Приветствовал его курапалат, едва разжав объятия.

– Поздравь и ты меня. Мой сын Мануил оправдал твое высокое доверие. Он со своим легионом уже захватил все значительные города на побережье Сицилии.

– Поздравляю, – широко улыбнулся базилевс, похлопав брата по спине. – Мануил стал настоящим стратигом. А что слышно из Италии? – спросил Никифор – Как там поживает наш «друг» Оттон?

– Сидит в Равенне, как паук. – Неохотно доложил Лев. Потом добавил более эмоционально – А может отправить Мануила в Италию и прихлопнуть Оттона, как он прихлопнул Беренгара?

Никифор задумался.

– Даже не знаю...

– Пойдем к отцу, посоветуемся, – предложил Лев.

Не придя к определенному решению, он вместе с братом пошел за советом к своему отцу, цезарю Варде. После взаимных приветствий и поздравлений, Никифор, наконец, смог задать свой вопрос:

– Скажи отец, как мне поступить? Надо ли мне объявить войну Оттону? Друнгарий флота Никита сможет в кратчайшие сроки по Адриатическому морю доставить легион из Сицилии к побережью Италии, возле Равенны.

Варда Фока, сидел в мягком кресле. На ногах лежал плед из верблюжьей шерсти. Седой как лунь, он остро взглянул из-под мохнатых бровей на сына:

– Чего ты добился в своем походе, Никифор? – Начал Варда с другого конца проблемы.

– Я сумел захватить два десятка крепостей между Тарсом и Мопсуэстией. В них оставил гарнизоны. Большая часть Киликии уже в моих руках, – ответил не без гордости Никифор.

– А каково положение сейчас на Сицилии? – Варда взглянул на Льва.

Лев Фока ответил обстоятельно:

– Мануил высадился на восточном побережье возле Тавромения²⁰, большинство жителей которого бывшие граждане империи. Там сохранили веру Иисуса. Они открыли ворота и встретили византийцев, как освободителей. С первого приступа были взяты Сиракузы, Гиммера и Леонтины. Недобитые арабы и берберы укрылись в горах.

Варда задумчиво разгладил бороду, потом покрутил ус и, наконец, сказал, обращаясь к Никифору:

– Что легко пришло, так же легко и уйдет. Как ты думаешь, Никифор, сколько времени простоят твои гарнизоны, когда наступит весна и эмир Тарса выступит в поход?

Потом повернулся ко Льву:

– А сколько времени понадобится арабам, чтобы спустится с гор и вернуть себе города на равнине, как только легион ромеев покинет Сицилию?

И Никифор и Лев промолчали.

– Я уже не говорю про зимние шторма, которые могут разбросать флот Никиты. Не говорю об укреплениях Равенны, которые будут гораздо мощнее, чем в Мопсуэстии. Еще во времена базилевса Зенона, за их стенами цезарь Италии Одоакр выдержал два года осады Тео-

---

²⁰ Таормина, древн. Тавромений – исторический город на восточном побережье Сицилии (Италия).

дориха, вождя остготских наемников. И содержание легиона в Италии потребует дополнительных поставок продовольствия. А синклит наверняка будет против этих расходов.

– Я бы сам мог возглавить осаду и прихлопнуть этого франка, как надоедливую муху в короткий срок, – не сдавался Лев.

– Может быть, да, а может быть, и нет. Но наверняка при этом мы потеряем и Сицилию и Киликию.

– Как же нам поступить? – Спросил за брата Никифор Фока.

– Вы пришли за советом? Так вот мое мнение. – Варда не спеша разгладил бороду. – Пусть Мануил с легионом зимует на Сицилии. Это будет нелегко. Как долго Мануил сможет находиться там без дополнительных поставок продовольствия? Вспомни Никифор свою зимовку на Крите. – Варда сделал паузу, давая время Никифору для сравнения. – Хорошо, что население прибрежных городов его поддерживает. Пусть возле них и зимуют. Только остереги Мануила, чтобы не совался в горы. У него нет федератов разведчиков для этих целей. Перекрыв дороги и выжидая, он добьется большего. За зиму, те, кто укрылся в горах, сами передохнут от голода и холода.

– А что же Италия, Рим? Снова отдать все Оттону, – не унимался Лев.

– Пускай пока тешится мнимой победой. Настанет время и для него, – оборвал младшего сына Варда. – А тебе Никифор, – Варда сурово взглянул на старшего сына, – пора оставить мысли, что война похожа на поэмы Гомера. Это не театр и не загородная прогулка! Заверши то, что начал в Киликии или станешь посмешищем для других государей. И вот еще. – Варда взглянул на Льва. – Крит и Сицилия с Божьей помощью возвращены в состав империи. Но остается двоякое положение Кипра.

– А что Кипр? Уже триста лет минуло, как мы поделили остров с арабами. И до сих пор проблем из-за этого не было, – возразил нетерпеливый Лев.

– Вот, что я тебе скажу, – прервал Варда сына и сказал назидательно. – Пока через нейтральные порты Кипра проходят торговые суда, снабжающие товарами и продовольствием прибрежные города Киликии и Сирии, не видать Никифору ни Тарса, ни Антиохии, ни Триполи. Подумай об этом.

Никифор недолюбливал царя немецкого королевства Оттона. Считая его варваром и выскочкой. Но отдавал должное, как Отгон умело собирал осколки Западно-Римских территорий в единое государство. Используя латинскую Церковь в качестве связующих звеньев в цепи. На эту духовную цепь, как рабов, приковывали дружественные баронства и недружественные народы. Назначенные им епископы с корнем выжигали независимость удельных германских баронов и славянских князей.

Это не могло не вызвать восхищение Никифора, который нежданно сам для себя стал государем. А созданная Оттоном тяжелая конница рыцарей вассалов, не раз показавшая свою эффективность в войнах с «чумой» севера, легкой кавалерией венгров и ополчением славян, уже давно стала предметом зависти честолюбивого Фоки. Что ж и у варвара можно поучиться, решил он.

Основа армии Византии – это призывники стратиоты, крестьянское ополчение и военные поселенцы. Они должны были прибывать к месту сбора вооруженными, при необходимости докупая недостающее снаряжение за свой счет. Регулярные части на войну собирались из отрядов личных телохранителей архонтов и тагмы федератов. Их вооружение ложилось на плечи самих архонтов и вождей федератов. Только на провиант и дорогостоящие технические средства, вроде мидийского огня, казна выделяла средства. Этого было недостаточно для современных войн. Требовалась реформа.

Но создание в византийской армии многочисленных отрядов закованных в броню и кольчугу всадников требовала значительных материальных затрат. При всей своей привлекательности, синклит не соглашался на выделение денег казны для проведения реформы. На сена-

торов можно было повлиять с помощью Церкви. Но отец Полиевкт твердо стоял на позиции разделения светской и духовной власти. Такая позиция патриарха не устраивала Никифора. Синклит и Церковь стояли на пути его устремлений. Он твердо решил преобразовать Церковь Византии под свои нужды.

В один из зимних, холодных, но солнечных дней к нему «ворвался» кипящий от гнева патриарх Полиевкт. Обладая привилегией свободного общения с государем, сразу же перешел к обвинениям:

– Я требую объяснений! Что это за антицерковная Новелла XIX? Она вызвала возмущение всего византийского клира.

– Не соглашусь с тобой. Новелла XIX не антицерковная, а антиклерикальная. Она не против Церкви, а против церковных стяжателей! Давай разберемся, – спокойно ответил Никифор. – Стратиоты, в случае войны, становятся основой народного ополчения Византии. Изначально землю пограничным поселенцам выделяло государство. Землю, потерявшую хозяина стали скупать архонты. С этим, как ты помнишь, вел непримиримую борьбу еще базилевс Роман Лакапин. Теперь нашлась еще одна незаконная лазейка – завещание в пользу монастыря. – Никифор сделал паузу. – Помнишь, как в 4 веке «погибла» Великая Армения? Монастырские земли стали больше государственных и некому стало защищать царя. Поэтому, в этом вопросе я продолжаю дело Лакапина. Опустевшие земли должны возвращаться государству. И использоваться по своему первоначальному назначению – заселяться гражданами, способными служить стратиотами. Государство должно иметь верных воинов для обороны и нападения!

– Возможно, ты имеешь право запретить свободным гражданам, отдавать по завещанию свою собственность в пользу монастырей и храмов. Хотя это выглядит, по крайней мере, странно. Помазанник Божий запрещает верующим оставлять имущество для богоугодных дел Его слугам. – Полиевкт прибегнул к едкому сарказму. – Но что ты скажешь о «томосе»? Он касается уже самого синода! Ты запрещаешь посвящать в высшую степень священства без своей санкции! Не это ли прямое вмешательство в дела Церкви?

– Нет. Это мое право. Ты только что сказал, что я помазанник Божий! Как наместник Иисуса на земле, я могу запретить, синоду принимать постановления по делам Церкви без моего одобрения. Я не вмешиваюсь в само таинство рукоположения в епископы. Это дело духовное. Но я не хочу, чтобы епископом становился человек недостойный и не лояльный государю.

– У священника только один царь и Бог – это Отец Небесный, – возражал Полиевкт.

– Почему римский синод молчал, когда Оттон по своему выбору назначал архиепископов? Почему сейчас Церковь молчит, когда латинские иерархи рукополагаются лишь после того, как принесут латинскому императору клятву верности и ленную присягу. Как обычные светские князья, бароны и герцоги. Неужели у меня меньше прав, чем у безродного варвара? Я не требую ленной присяги от священников, но в моей власти давать или не давать согласие на избрание новых епископов, – твердо ответил Никифор.

– А ревизия государственными чиновниками земель и имущества епископств, после смерти епископа? А конфискация в пользу государства всего, что покажется им излишками? Для этого твой брат Лев создал департамент государственной тайной стражи, подчиненный только ему? Ты хочешь разорить церкви и пустить монастыри по миру! – Продолжал кипятиться Полиевкт.

– Если уж ты претендуешь на духовную власть, то не лезь в дела светские, – снова спокойно возразил Никифор. – Тайная стража создана для борьбы с агентами вражеских государств и наших продажных граждан. Лучше приучай своих священников заниматься духовной пищей. И менять ее на материальную пищу у своей паствы. Как известно из поучений Свя-

того папы Иоанна Златоуста, духовность не совместима с роскошью. Ни к чему монастырям обширные земли. Зачем плодить монастырских рабов? Чтобы жирели монахи?

Трижды правы миссионеры короля Оттона и халифа ал-Муизза идущие со Словом Божьим к язычникам. При этом, не забывая наточить свои мечи. Они священники и воины. Еретиков следует сначала победить, а затем проповедовать им! Поэтому и нашим монахам надо основывать новые монастыри, а не давать жиреть старым. Именно монастыри должны стать опорой веры и ее форпостами на отвоеванных землях. И ставить их надо будет там, где я укажу. А всю их духовную организацию оставляю синоду. Это справедливо? – Спросил Никифор.

– Я понимаю, почему ты это делаешь. Тебе не дают покоя победы Оттона. Ты тоже хочешь стать завоевателем, истребляющим целые народы?

– Ничуть. Он устанавливает Святой крест на завоеванных землях, а я восстанавливаю Святой крест на бывших территориях империи, – возразил Никифор. – В чем еще между нами разница, спросишь ты? В том, что ты не поддержал меня на синклите по поводу преобразования армии. В том, что наши епископы не берут в руки оружия. А общее между нами то, что средства для своих целей и он, и я должны изыскивать самостоятельно.

– Выходит, ты хочешь сделать из воинов священников? И наоборот. Превратить несущих Слово Божье священников в сикариев. Возродить братство фанатичных убийц!

– Нет. Ты опять неверно меня понял. Я хочу только, чтобы монастыри стали не только оплотами веры на границах государства, но и убежищем для калек и ветеранов, – объяснил Никифор. – Как это заведено у скифов. Афонская братия монахов-аскетов должна стать им примером для подражания. Туда от соблазнов мира уходят ветераны. И оттуда, если понадобится стране, они возвращаются, чтобы служить Родине с оружием в руках. Поэтому я требую, чтобы Церковь признавала святым всякого воина, погибшего в бою за веру.

– Теперь ты вмешиваешься в духовные сферы! – Осадил его отец Полиевкт. – Когда ты распорядился основать школу для детей воинов погибших на войне, это было в твоей власти, как светского правителя. Я понимаю, что ты хочешь отдать должное их отцам. В твоей власти назвать этих воспитанников саларами, т.е. будущими военачальниками. Это было уместно. Но решение духовного круга вопросов, в том числе и признание святости, оставь синоду.

Никифор молчал, глядя исподлобья на патриарха. Потом сказал вкрадчивым тоном:

– В шестом веке базилиевс Маврикий создал в Итальянской провинции Византии Равеннский экзархат для противостояния северным варварам. И экзарх был представителем Константинопольского императора. Последний экзарх умер в прошлом столетии. На месте экзархата появились герцогства Рима, Венеции, Сполето и другие.

– Герцогство Рима? – Догадался Полиевкт. – Ты клонишь к тому, чтобы под видом восстановления должности экзарха поколебать власть понтифика в Италии, присоединив Папскую область к Равеннскому экзархату?

– Это было бы хорошее начало для восстановления нашего влияния в Итальянской провинции. Тебе это дело кажется невыполнимым?

– Я докажу тебе, Никифор, что проповедь имеет силу способную противостоять мечу.

– Если это будет так, то я распоряжусь, чтобы церкви и монастыри получали долю с военной добычи. Как это принято среди воинов, – криво усмехнулся Никифор.

Вскоре после разговора с отцом Полиевком, хмурый Никифор наскоро попрощался с отцом Вардой, детьми и Анастасией и уехал в Азию. Большая война требует больших затрат и подготовки. Никифор помнил, что ему сказал отец. В Каппадокии базилиевс с воинами личной гвардии провел всю зиму, готовясь к войне. Пользуясь временной зимней передышкой, Никифор решил продолжить создание отряда тяжелой рыцарской конницы катафрактов. Для этих целей он использовал собственных ипаспистов телохранителей и личные сбережения. Они должны были стать ядром будущих многочисленных отрядов закованных в броню и кольчугу всадников византийской армии.

Непоседливый Цимисхий очень скоро заскучал. Он был слишком горячего нрава. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Несмотря на то, что был очень небольшого роста, он на спор выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. В маленьком его теле таилась храбрость и сила героя, его деятельная натура требовала выхода эмоциям. Нередко он оставлял полевой лагерь и вместе со своим, столь же своевольным приятелем Вардой Склиром и куролесил по всем значным местам Кесарии Каппадокийской. Все чаще дружеские попойки заканчивались пьяными драками. Слухи об этих безобразиях будоражили город. Украшенные неправдоподобными подробностями, они достигали ушей Фоки.

Терпение Никифора закончилось. Немедля он вызвал Цимисхия к себе в полевую палатку. Того с трудом поставили на ноги и привели к государю. Никифор оглядел неопрятно одетого Вана, его распухшее от пьянства лицо и спросил:

– Ответь мне Ной, пристало ли командующему легионами Востока уподобляться грязной свинье?

Цимисхий взвился было. Но под воздействием винных паров пошатнулся и начал заливаться. Никифор быстро подхватил его и усадил на скамью. Нечленораздельное мычание вырвалось изо рта Цимисхия – палатка наполнилась винным перегаром. Никифор брезгливо поморщился:

– Бери-ка ты, племянник, своих ипаспистов, собутыльников и охочих воинов. Да отправляйся в рейд на границу Киликийской Армении. От греха подальше. Проинспектируй оставленные нами гарнизоны. Да покрутись вокруг Тарса. Чтобы крысы не уходили далеко от своей норы. Весной я выйду в ту же сторону с основными силами. На тебя и оставленные там гарнизоны ложится важная задача: обеспечить фуражом и продовольствием мою походную колонну, сосредотачивая продовольственные запасы в складах, расположенных в укреплениях на границе.

По знаку Никифора, гвардейцы, стоящие на страже подхватили Цимисхия и утащили отсыпаться. В то же время в палатку вошел мистик, личный секретарь государя.

– Стратиоты сидят по домам. Командующий Цимисхий остался без войск. Но он слишком непоседлив, для рутины повседневных тренировок. Посоветуй, Константин какое звание присвоить Цимисхию, для того, чтобы отправить в самостоятельный рейд по тылам противника? – Спросил Никифор. Мистик ненадолго задумался.

– Дука! Соответствует герцогскому титулу в западной иерархии. Эта должность, позволяет вести самостоятельные боевые действия. Собственными силами, без участия ополченцев. Кроме того дука имеет право инспектировать как гарнизонные войска, так и гражданскую власть фем, – ответил Константин.

– Пиши соответствующий эдикт, – распорядился Никифор.

Через день, трезвый и подтянутый дука Цимисхий, построил свою личную тагму телохранителей перед палаткой государя. Как на параде, под приветственные крики, Никифор проехал вдоль строя и занял позицию на возвышенности посередине.

– Удачи вам, орлы Византии! На вас уповают легионеры. От вас зависят наши будущие победы в Киликии. С вами Бог! – Прокричал государь.

Всадники отсалютовали в ответ: «Слава, государю!», «Хайре, басилевс!». Несколько рисуясь, Цимисхий подал команду, и стройной колонной всадники отправились на юг.

Уже после его отъезда к Никифору прибыл гонец из Константинополя. Брат писал, что, узнав о том, что со стороны Византии не последует карательных мер, рекс Оттон покинул Равенну. Он отправился в свои северные пределы. Во владения своей вдовой матери, в далекий Кельн. Там его ждали заботы учреждения новых церковных округов на границе со славянскими княжествами.

Глава вторая: Тарс и Сицилия

Следующую свою компанию Никифор решил провести серьезно, не отвлекаясь на защиту и удобства Священных особ, сменив парады на суровые военные будни. Его терзала мысль о том, что он не взял приступом Тарс и Мопсуэстию. Он помнил оскорбления в свой адрес и то, что был отброшен от стен этих городов, как тупая стрела, попавшая на крепкий предмет. Вот над чем размышлял и что обдумывал Никифор долгими зимними вечерами. Вот почему он в ожидании удобного времени года усиленно готовил к боевым действиям, находившихся при нем воинов.

Как только закончились посевные работы, синклит объявил сбор фемных ополченцев Азии на войну. Отовсюду к месту сбора прибывали воины. И призывники стратиоты, поселенцы с государственных земель, и вольные наемники федератов.

Патрикий Никита, друнгарий флота, выполняя приказ Никифора, внезапно ввел галеры во все порты на Кипре. Морская пехота установила власть Византии на острове. Сохраняющиеся триста лет равновесие было нарушено. Арабы, обосновавшиеся на Кипре, за долгие годы нейтралитета отвыкли от войны и практически не оказывали сопротивления. После непродолжительной резни, Кипр был объявлен византийской фемой.

От Анкиры²¹ столицы фемы Букелларии, в сторону Кессарии потянулись обозы с продовольствием. Галаты – торговый люд из кельтских племен, которые пришли из Европы в Азию еще во времена Римской республики. Обеспечивая хлебом франкских федератов в римских легионах. Оставшись на земле, полученной за службу Риму на перекрестке торговых путей в Малой Азии, галаты традиционно занимались снабжением войск. Они везли хлеб и иную провизию в обозах, чтобы легионеры были свободны и не отягчены во время войны. Вместе с обозниками к военному стану, собирались продавцы иных услуг. Это были и бродячие жонглеры, и водоносы. Мелкие торговцы, ремесленники и хозяева повозок с рабынями, торгующие женскими ласками. Все они были необходимыми поставщиками в полевой лагерь элементарных бытовых удобств и нужд. Кроме этого, большинство из них следовали за войском и превосходно справлялись с ролью «освобождения рук» воинов от ценных, но громоздких вещей.

Строевые смотры, учения и состязания. Дни проходили в оживленной суматохе. Лагерь в Каппадокии напоминал внезапно появившийся из ниоткуда город. Живописные холмы и долины заполнили навесы, палатки, хибарки, телеги – временные жилища, на которые позволяли средства и фантазия их обитателей. Между этих наспех возведенных укрытий, в долинах паслись овцы и кони. Тут же велась бойкая торговля. У ремесленников можно было найти все, в чем мог нуждаться человек. Вино и пища помогали насытиться и получить забвение от тягот и лишений. А кто-то приобретал кольчугу, меч, нож и прочую амуницию. Женщины продавали любовь, по сходной цене. Для некоторых неимущих стратиотов это была непозволительная роскошь. Тогда некоторые «выпускали пар» нетрадиционным способом. По очереди, удовлетворяя друг друга. Осколками порядка, в этом море хаоса, выделялись палаточные городки ипаспистов. По старой традиции, времен Римской республики, выстроенные ровными рядами. Нападения противника не ожидалось. Но их городки были обнесены рвом и частоколом. Пройти внутрь можно было, только миновав выставленные посты охраны.

Аргишти по прозвищу Красавчик очень дорожил своей внешностью. Предмет мечтаний всех незамужних девушек его села. Но ему хотелось большего, чем простая жизнь земледельца и работа с восходом солнца. Это большее можно было получить, участвуя в победоносных войнах Никифора. Поэтому, как только знаменитый полководец стал собирать легион для нового

---

²¹ Современная Анкара – столица Турции.

похода, Аргишти тут же распрощался с матерью и сестрами. Сельская община не стала препятствовать его уходу. За свое отсутствие во время страды, до конца года он должен был внести выкуп общине. В противном случае его долг ложился на плечи его семьи. Полный радужных надежд, Аргишти упросил своего дальнего родственника Хачатура, получившего кусок государственной земли на Крите, взять его к себе в лохаг.

Хачатур без воодушевления встретил Красавчика. Кому охота нести ответственность за новобранца-первогодка?

– Война это не прогулка в огород к соседу. Это не волнующее приключение с девицей в кустах, тайком от ее родителей. Война это тяжелая работа. В грязи. С потом и кровью. Многодневные переходы под палящим солнцем, ночные бдения, жажда, голод и прочие тяготы. К тому же ты не очень хорошо владеешь оружием.

– Дядя, я не подведу. Я буду делать все, что ты мне прикажешь. Дай мне хотя бы попробовать, – упрашивал его Аргишти.

– Да что же мне с тобой делать? Ладно, – сдался Хачатур. – Оформлю тебя в свой отряд и поставлю на довольствие. Дам тебе копьё, щит, и тесак. За них вычту из твоего денежного содержания. Будешь на первых порах при кашеваре. Я сам буду обучать тебя.

Молодой Аргишти с энтузиазмом стал постигать воинскую науку. Лихо размахивал тесаком и разил копьём соломенное чучело. В свободное от учений время помогал кашевару. И здесь Красавчик не сплеховал. За то, что другие платили деньги, ему доставалось почти даром. Довольный кашевар, с удовольствием давал возможность молодому парню балагурить с торговцами и договариваться о покупках. В результате, продуктовый «общак» лохага хорошо экономил на получаемых скидках. К тому же, Красавчик не стеснялся оказывать своим сослуживцам и услуги интимного характера. В долг, в счет будущей оплаты. Вскоре он стал любимцем не только своего лоха, но и всей центурии.

Наконец, в полевой лагерь прибыл брат Никифора – курапалат Лев, оставив управляться в Константинополе цезаря Варду и проедра Василия Нофа. Он привез свежие новости из Лангобардии. Римский отец Лев VIII скончался. Римская знать просила императора Оттона I восстановить на кафедре в Ватикане отца Бенедикта V. Но Оттон с братом, архиепископом Бруно, был занят учреждением новых епископатов в Магдебурге, Мерзебурге, Цайце, Майсене, Бранденбурге и Хафельсберге. Им на местах приходится бороться и с нестигаемостью славян, которые держатся старых верований и со строптивостью христианского духовенства. Наверно, епископы латинян тоже вспомнили о разграничении духовной и светской властей. Очевидно, это противостояние закончилось не в пользу Бруно. Тот вскоре вслед за папой, покинул этот мир. Так что Оттону, укрепляющему свои северные границы сейчас не до Италии.

Успокоенный благими вестями с западных рубежей Никифор скомандовал выступление. Лето уже вступило в свои права. К этому времени число обитателей в лагере и его окрестностях превысило четыреста тысяч. И людей зарабатывающих на войне стало больше чем воинов. Легионы, наконец-то подняли знамена и походные штандарты. В окрестностях началась суматоха и в воздухе за клубилась пыль. Колонна выступила в поход, по дороге, ведущей к Армянской Киликии. За войсковой колонной следовал обоз, растянувшийся на многие мили.

Даже в походе, во время тяжелых переходов по пересеченной местности, под палящим солнцем, басилевс Никифор продолжал учения по сплочению ополченцев, катафрактов и федератов в единый боевой организм. Мерно шагающие в колонне стратиоты втягивались в тяжелую, повседневную военную работу. На ходу отрабатывалось взаимодействие разных отрядов и штаба Никифора. Посыльные учились разыскивать комитов отрядов и передавать им распоряжения верховного командующего. Начальники всех уровней наоборот учились передавать в штаб доклады с мест. Войсковая колонна приближалась к Мопсуэстии.

Однажды войско проходило по глубочайшему ущелью, зажатому между отвесными скалами. Утомленный трудностью пути, Красавчик сбросил с плеч свой тяжеленный щит и оста-

вил его на дороге. Государь, проезжая мимо, увидел этот щит. Он лежал на обочине, и солнце отражалось на его металлических частях. Никифор велел одному из сопровождавших телохранителей подобрать его.

Едва только колонна встала на привал, как Никифор стал доискиваться, у кого в подчинении воин, который, еще не встретившись с опасностью, бросил свой щит.

– Найдите хозяина этого щита и вместе с его лохагом доставьте ко мне, – велел Никифор вестовым. Прежде чем перейти к постановке задач на день следующий комитам и лонгинам собиравшимся у него на ежевечерний разбор пройденного пути.

В отрядах немедленно были устроены строевые смотры. Виновный быстро был обнаружен. Красавчика и лохага Хачатура доставили к государю.

Устремив на юношу грозный и суровый взгляд, государь спросил:

– Скажи-ка, негодный, почему ты выбросил щит?

– Великий государь! Щит соскочил с плеча, и у меня не было сил вновь поднять его. Ведь вдобавок мне еще придется тащить бурдюк с водой и тяжеленное копье – распластавшись на земле, оправдывался Аргишти.

– Если бы на нас сейчас неожиданно напал неприятель, каким оружием ты, бросивший щит на дороге, стал бы обороняться от врагов и их стрел? – снова спросил Никифор, внимательно рассматривая Красавчика. Хачатур первый почувствовал опасность в голосе государя. Не давая Аргишти раскрыть рта, опередил его:

– Не вели казнить, великий царь! Это его первый поход. Мальчик еще не окреп. Это моя вина – не доглядел. Больше этого не повторится. – Хачатур уткнулся лбом в землю.

Тут и Аргишти понял, что жизнь его висит на волоске. Просто так к главнокомандующему не приводят. Он забормотал от ужаса что-то нечленораздельное.

Базилевс Никифор поднял руку, прекращая слова оправдания и стенания.

– По римским законам, легионера бросившего оружие на поле брани ждет смертная казнь. Но поход – еще не сражение. И я пощажу его лохаг. Этот мальчик и так жив только до первого боя. – Никифор был спокоен, но угрюм. – Ты целиком и полностью отвечаешь за своих людей. Поэтому сам накажи его! Отстегай розгами и отрежь ему нос. Стервятникам не нужна его красота. Если выживет после битвы, то собственная красота перестанет волновать его самого. А чтобы другим была наука, привяжи его к телеге и оставь на обочине. Пока не пройдет вся колонна. Все должны видеть, какое наказание ждет нерадивых воинов.

С этими словами Никифор отпустил легионеров. Достигнув места привала, где с нетерпением ожидали остальные бойцы, Хачатур рассказал о встрече с базилевсом и его решении.

– Дядя, неужели ты и впрямь собираешься отрезать мне нос? Царь сказал, что бы ты наказал меня. Но наказать можно и по иному, не прибегая к такому жестокому способу! Ни одна девушка дома не выйдет за меня замуж. Ведь по нашим обычаям усекают носы у тех, кто нарушил брачные установления, – заныл Красавчик. И остальные поддержали его.

– Брось это дело, Хачатур! Базилевс уже наверно забыл об этом. Мало ли у него других забот, кроме как помнить о наказании простого воина.

Расхлябанность лагерной жизни уступила место железной дисциплине военного похода. Хачатур послушал своих товарищей и охваченный жалостью к юноше, отпустил его невредимым.

Следующий день прошел в очередном тяжелом горном переходе. Под вечер, Никифор со свитой объезжал растянувшиеся биваки стратиотов. Кое-где, «прогулочный дух» все еще стоял в войске. Где-то легионеры, расположившиеся на привал, в небрежности свалили оружие в кучу. Где-то не выставили боевое охранение. Никифор вдруг вспомнил о вчерашнем виновнике.

– Почему-то я не видел на обочине дороги воина подвергнутого экзекуции. Неужели лохаг осмелился не выполнить мой приказ? – Спросил Никифор у штабных. Базилевс пожелал

лично посмотреть на вчерашнего виновника. Он, с сопровождающими его комитами и лонгинами, подъехал к расположившимся на отдых легионерам лоха Хачатура. Увидев Красавчика утомленного, но вполне здорового и счастливого, государь нахмурился.

Телохранители государя схватили Хачатура с Аргишти и бросили в пыль под копыта коня государя. Сюда же привели и центуриона.

– Упрямый наглец! Как посмел ты не выполнить мой приказ? Или ты думаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я велел наказать того, кто бросил свое оружие, в назидание прочим. Пусть никто не подражает его беззаботности и слабости. Не повторяет его проступка, чтобы не оказаться безоружным на поле боя и тотчас же не погибнуть от руки неприятелей! Пожалел своего подчиненного, прими наказание вместе с ним, – сказал Никифор. Потом нацелил пальцем в сторону вытянувшегося центуриона:

– Лохага разжаловать. Лох расформировать и распределить среди сотни. Этим двоим отрезать носы и выставить для обозрения проходящей колонне.

– Будет исполнено, государь! – Выпалил центурион. В глубине души, почувствовав облегчение. Ведь и он не проконтролировал первый приказ Никифора. Значит, формально тоже был виновен.

Хачатура и Аргишти схватили за руки легионеры центурии. Воины из лоха даже не попытались вступить за своего бывшего начальника и его подопечного – бдительные стражи Никифора держали руки на рукоятках мечей. Затем виновных, по команде центуриона опрокинули на землю и жестоко избивали палками. У потерявших сознание центурион одним махом лично срезал кончики носов. Изувеченных и окровавленных стратиотов привязали к телеге, поставленной на обочине, в назидание другим. Наутро колонна двинулась дальше. Ее ожидал очередной тяжелый переход. Но все проходящие мимо оставленной на обочине телеги могли видеть, какое наказание ждет каждого в случае невыполнения приказа или небрежного отношения к своему оружию.

Такими жесткими мерами басилевс постепенно превращал земледельцев и ловцов удачи в единое боеспособное войско, готовое без колебаний и раздумий следовать приказам своего командующего.

– Государь, не слишком ли ты круто обошелся с лохагом? – спросил на следующий день мистик Константин Никифора.

Фока немного задумался.

– Нет, – ответил Никифор твердо. – Не прояви я сейчас твердости, и войско осталось бы сборищем реатов-земледельцев, которые разбежались бы при первой опасности. Показательное наказание ослушников, спасло жизни многих других.

– А почему ты не пощадил молодого стратиота? Возможно его красота это единственное, чем он мог заработать себе на жизнь.

– Ты тоже это заметил? – Хмыкнул Никифор. – При осаде Крита, у меня было время познакомиться поближе с казос, федератами из войсковых братств. Они чтут идеалы древних нартов и сохранили то, что давно утеряно нами. Уходя в поход, члены братства дают обет целомудрия. И даже находящиеся с ними в походе женщины, к которым они относятся как к сестрам, не вызывают у них желаний. Они ежедневно подавляют свою животную похоть, тем самым, закаляя свой дух.

Ты не задумывался, почему любителей «мальчиков» называют «голубыми»? – Спросил Никифор мистика, после непродолжительного молчания.

– Как то я слышал от Константина Багрянородного, мир ему, что наши высокородные предки, рожденные от богов, имели голубую кровь. Чтобы не разбавлять ее им приходилось брать в жены женщин только из своего круга. Святотатство кровосмешения. Теперь голубой цвет соответствует спортивной партии военных. Мне глубоко претит то, что благородным цве-

том называют и слабохарактерных сластолюбцев следующих в войске. Святотатство мужеловства, – ответил мистик.

– Это потому, что в нашем ополчении мало профессиональных военных, добавил Никифор. – Стратиоты – это реаты, едва научившиеся держать копьё. Их руки привыкли сеять и жать. Их оторвали от пашни, от семьи. От женской юбки. Им незачем закалять свою волю. В длительном походе они отдаются во власть инстинктов, удовлетворяя друг друга. Многие из стратиотов когда то были рабами, лишёнными права заводить семью. Им так же приходилось удовлетворять свою похоть среди своего круга. И, как правило, хм, однополого. А что до этого мальчика, то теперь он будет думать о сражении, а не о том, как заработать на своей внешности. Я дал ему шанс выжить на войне.

– Возможно, ты и прав государь, – сказал Константин. – Но я думаю виной всему древние греки, превратившие военные состязания в бесстыдные игры. На Олимпийских играх мужчины обнаженные как рабы, демонстрировали друг другу свои достоинства. Не брезгуя после игр снимать усталость тел, убажывая друг друга. Поэтому и женщин туда не допускали. А после того как Греция вошла в состав империи, эта зараза передалась и ромеям.

А колонна между тем неотвратно двигалась вперед. И вот уже показались стены Мопсуэстии. Ее первой осадил басилевс. В этот раз Никифор не стал тратить время на показательные штурмы и обстрелы. Он сразу взялся за дело. По примеру взятия Хандака на Кипре.

Черны ночи на юге, когда ночное светило прячется за тучами. Ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Глубокой ночью к берегу реки Пирам протекавшей возле стены подкрались федераты. Черкасы, старые знакомые Никифора. Специалисты по подкопам, геты с Таны и Сакира, начали вести подкоп, начиная от берега. Да так, чтобы стража на стенах ничего не заметила. Землю относили и сбрасывали в речной поток. В конце этой работы две башни совместно с заключенной между ними частью стены повисли без всякой опоры. Для того чтобы все строение не обрушилось раньше времени, его подперли бревнами. Углубление забили сухим хворостом. Через три ночи, к рассвету все было закончено.

Как только первые солнечные лучи озарили окрестности, городские стражники в белых одеждах высунулись, как обычно, из башен. Они разожгли костры под котлами с водой, приготовили камни для сбрасывания на головы штурмующим и стали осыпать бранью государя. Сам топарх с приближенными советниками вышел на стены, чтобы позлорадствовать над пустыми хлопотами «хачей».

Фаланги ромеев, между тем, в полном вооружении построились для приступа. Но не видно было ни катапульт, ни штурмовых башен. По сигналу Никифора, затаившиеся под стеной казары подожгли хворост. Когда пламя разгорелось, геты нырнули в воду и ушли вниз по воде.

Заметив клубы дыма, но, не понимая в чем дело, засуетились стражники на стенах. Пока доложили топарху, пока тот совещался и раздумывал, подпорки сторели. Вся подрытая и висящая в воздухе часть стены заколебалась и под своей тяжестью рухнула на землю, увлекая за собой стоявших на ней защитников города. Многие из них тут же разбились и испустили дух. Как только разрушенная стена открыла достаточно широкий проход, легионеры двинулись на приступ.

Еще не рассеялись клубы дыма и пыль, а ромеи уже вошли в город. Жители и гарнизон отчаянно сопротивлялись на каждой улице, в каждом доме. К полудню всякое сопротивление было подавлено. Лев Фока доложил Никифору о взятии крепости. На центральной башне внутренней крепости развивалось бело-голубое знамя Византии, а на центральной площади был установлен Крест Победы.

Покорив Мопсуэстию, Никифор запретил ее разрушать. Оставшимся в живых жителям было предложено принять христианство. Этим он показал всем, что в отличие от предыдущих набегов, в этот раз империя пришла сюда надолго.

Горожане, не сменившие веру, были лишены прав и обращены в рабов. Они горько оплакивали постигшую их судьбу. Захваченная добыча была собрана и поделена согласно своду «Эклога». Часть полученной легионерами добычи ушла на оплату кредитов галатам и поставщикам оружия. Лучшую часть из казенной доли Никифор отложил для царской сокровищницы. Оставив в крепости гарнизон, колонна двинулась на Килликийскую равнину. От стен занятой Мопсуэстии, легион двинулся в сторону Тарса.

На подступах к Тарсу к легиону Никифора примкнул поджидавший его со своей кавалерией дука Ван Цимисхий. Все это время его мобильный отряд находился неподалеку от города-крепости, совершая дерзкие набеги на продовольственные обозы и купеческие караваны. Узнав о приближении войска Никифора, Цимисхий тут же поспешил к государю.

Влетев, как стрела в палатку, где Никифор обсуждал предстоящую битву со штабной свитой и магистром Львом, тут же бросился обниматься.

– Никифор! Лев! Как же я рад вас видеть! Полгода полевой жизни сделали из меня настоящего дикого скифа. Давате уже расколем этот орех и вернемся в столицу. Я соскучился по баням и театрам, застольям и красивым женщинам.

– погоди ты о женщинах. Успеешь еще, – улыбнувшись, осадил своего родича Никифор. – Докладывай, чем ты тут занимался. Много ли собрал провизии? Хватит ее, чтобы прокормить войско осадившее Тарс?

Выслушав обстоятельный доклад, похвалил родича:

– Зимую и весну ты провел не впустую дука Ной. Хвалю! А сейчас расскажи, что удалось тебе выведать. Есть ли у Тарса слабое место? – Спросил он.

– Не надо ничего выдумывать Никифор! Стараниями моих охотников в городе не так уж много осталось запасов продовольствия. Обложим их со всех сторон. А через пару недель там начнут грызть свои сапоги. Лишь бы с моря не подвезли припасы.

– Об этом уже позаботились. Друнгарий флота Никита послал курсировать вдоль побережья отряд огненосных триер, – заверил его Лев.

Расположив основной костяк войска недалеко от Тарса, сам город Никифор плотно обложил постами от берега до берега. Помня о том, какой урон нанесли ромеям вылазки тарсийцев в прошлую осаду, Никифор решил в этот раз максимально обезопасить свои войска. Он приказал выкосить всю траву и срубить все деревья, окружавшие город. Чтобы все передвижения войск происходили на открытом месте. Чтобы тарсийцы не имели возможности устраивать засады в лесистых местах и внезапно нападать на ромейских легионеров. Вся округа украшенная фруктовыми деревьями, покосами и цветущими лугами, стала голой, истоптанной, покрытой пятнами пожарищ. Равнина вокруг города лишилась своей природной красоты.

Гордые своими прежними победами над ромеями, жители Тарса не могли спокойно смотреть, как уничтожают плоды их трудов. К тому же в городе замаячил призрак голода. Лучше сразиться с ромеями в открытом бою, пока воины сильны и не истощены, решил городской эмир. Он вывел из города всех способных держать оружие. По центру фаланги в несколько рядов стояли многочисленные отряды городских ополченцев – копейщики. Фланги прикрывала легкая конница курдских и арабских шейхов.

Напротив фаланги тарсийцев Никифор расположил фалангу каппадокийцев под командой магистра Льва. Позади копейщиков расположил стрелков и пращников, приказав им оттуда поражать неприятелей. Фланги прикрыв легкой конницей федератов. Во главе правого крыла стал он сам. Командовать левым крылом, поставил дуку Иоанна. В этом сражении Никифор решил опробовать свой отряд закованных в броню и кольчугу всадников – катафрактов. Не напрасно же он тренировал и вооружал их всю зиму. По настоянию Цимисхия, комитом отряда рыцарей он поставил его приятеля подающего большие надежды Варду Склира.

И вот началось сражение. Все поле засияло блеском доспехов и оружия. Легкая кавалерия тарсийцев атаковала фалангу ромеев и пошла вскачь вдоль ее фронта, осыпая стрелами.

Легионеры прикрылись щитами, а из-за их спин на кавалерию посыпались стрелы и камни стрелков и пращников. Пока шла перестрелка, фаланга тарсийцев подошла к рубежу атаки.

Басилевс приказал букинаторам трубить к атаке. Отработанным маневром центурии перестроились, открыв проходы в фаланге. Через эти проходы вперед выступила конница катафрактов. Варда собрав рыцарей в тяжелый клин, повел их в самый центр вражеского построения. Закованные в броню кони и всадники ударили тарсийцев, как нож в масло. Фаланга не устояла перед таким натиском и развалилась надвое. В ее сломанных рядах началась паника. Безудержный страх охватил их, когда они увидели неприятеля уже за своими спинами. А между тем клин тяжелой конницы, пройдя насквозь фалангу, разделился на два рукава и стал охватывать ополченцев с тыла.

За катафрактами в бой вступили наступающие легионеры. Окруженные противником, поражаемые копьями и гладиями, тарсийцы тотчас обратились в бегство. Какая-то часть из них успела добраться до ворот и постыдно укрылась за стенами цитадели. Но к воротам рвалась и легкая конница ромейских федератов.

По приказу эмира ворота города закрыли, бросив немалую часть своих сограждан на милость победителей. На городских стенах, приготовили метательные орудия, стойко ожидая вражеского нападения и штурма. Но басилевс Никифор остановил войска, зная, что стены города неприступны. Незачем было класть жизни воинов под их стенами. Он был уверен, что голод, своей жестокой необходимостью рано или поздно поневоле вынудит крепость сдаться.

И Фока продолжал осаду. Учитывая опыт критской компании, Никифор не позволил легионерам бездельничать. По его приказу, от берега до берега вокруг крепости стал возводиться осадный вал. С моря подступы к городу охраняли огненосные дромоны. Галеры попытавшиеся вырваться из гавани были немедленно и безжалостно сожжены.

Как и следовало ожидать, вскоре голод сделал с горожанами то, что было не под силу врагу, расположившемуся за его стенами.

Гнетущая печаль охватила жителей Тарса, когда недостаток пищи ослабил их тела. Они покрылись смертной бледностью, ничем не отличаясь от призрачных теней. И впали в ужасное отчаяние. Ведь бедствие, причиняемое голодом, наиболее губительно и достойно сожаления. Тело теряет свою стройность, холод гасит его теплоту, кожа превращается в некое подобие паутины, обтягивающей кости, и постепенно приближается жалкая смерть.

Когда горожане уже не в силах были совладать с нестерпимыми муками, они заставили эмира выслать к Никифору парламентариев. Посланники эмира заключили мир с басилевсом ромеев, при условии, что каждому желающему будет дозволено свободно уйти во внутренние области Сирии. Сдачу города Никифор поручил принимать магистру Льву. Установив на центральной площади крепости Крест победы, Лев принялся обустроить захваченную территорию.

По заключенному соглашению, желающие покинули город, имея с собою из всего необходимого только одежду и все, что могли унести в руках. Лев Фока разрешил горожанам купить у обозников и торговцев, следующих за войском, провизию и выючных животных для путешествия. Ведь своих они давно съели, а изможденные голодом люди едва держались на ногах. Галаты изрядно поживились: хлеб и средства перевозки достались горожанам за треть их имущества. Пять тысяч тарсийцев отправились по дороге в Антиохию. Истощенные и обезоруженные горожане были легкой добычей для любой шайки грабителей орудующих в ближайших окрестностях. И тут басилевс Фока проявил свое великодушие и распорядился выделить отряд охраны для их сопровождения.

Басилевс со свитой наблюдал, как мимо него проходила эта жалкая колонна. Что ж, подумал он, наглядный пример для сирийцев. Когда эмир Тарса поравнялся с Никифором, его остановили телохранители государя.

– Передай топарху Антиохии мои слова, – Никифор указал рукой на юго-восток. – Следующий на очереди его город. Если при моем приближении он добровольно не откроет ворота, его и его город ожидает участь Тарса. Но в этот раз пощады уже не будет ни для кого.

Эмир опустил глаза и ничего не ответил. Он был слишком подавлен своим поражением.

Тарс сдался государю Никифору 16 севаста 965 г. Окрестные земли были объявлены ромейскими. Область Тарса преобразована в фему Византии. Стратигом фемы и комитом города был назначен отличившийся в бою Варда Склир. В самой крепости был поставлен надежный гарнизон.

По повелению базилевса Варда Склир для горожан не пожелавших оставить город поднял над стенами Тарса два штандарта в качестве символов: один – «земли ромеев», другой – «земли ислама». Глашатаи объявили, что вокруг первого должны собраться те, кто желают справедливости, беспристрастности, сохранения собственности, семьи, их жизни, их детей, хороших дорог, справедливых законов и хорошего обращения. Вокруг же второго – те, кто стремятся к прелюбодеянию, к законам угнетения, насилию, вымогательству, захвату земель и конфискации собственности.

Бюрократы составили списки, по которым последователи учений пророков Мухаммеда и Ария облагались двойным налогом. Киликийцы же, добровольно принявшие крещение византийского толка от налогов освобождались. Часть земель вокруг крепости раздали отличившимся безземельным ветеранам.

По поручению басилевса, Лев Фока занимался распределением добычи. Он собрал в городе неисчислимы богатства. Портовые склады и поместья аристократов Тарса были заполнены ценностями со всего побережья Средиземноморья и из глубин Африки. Добыча была собрана, сосчитана и распределена обычным порядком. В отличие от дележа принятом в войсках халифата, в ромейском войске в казну отчислялась шестая, а не пятая часть добычи. Доля казны отправлялась в Константинополь для представления во время триумфа на столичном ипподроме. Часть этой доли была сбыта галатам по долговым обязательствам. Эти обязательства Лев Фока мог легко обналечить на золото в торговых цехах Константинополя.

Оставшееся добро Лев раздал легионерам и федератам. Ценные, но громоздкие вещи, доставшиеся им при дележе, тут же у стен Тарса легионеры обменивали у скупщиков на золотые и серебряные монеты. Иногда на самоцветы, жемчуг или редкие пряности.

Военная компания этого года подошла к концу. Дожившие до победной развязки войны ополченцы с нетерпением ожидали приказа Никифора о роспуске по домам.

Хачатур отвел Аргишти за пределы своего лагеря для откровенного разговора. Он долго молчал, что-то обдумывая.

– Дядя Хачатур, чем ты озабочен? Конечно, из-за этого тирана у нас обезображены лица. Но зато глаза, руки и ноги целы. Мы остались в живых в этой ужасной войне и даже с достатком в кошельках.

– С возрастом начинаешь задумываться не только о дне сегодняшнем, но и завтрашнем, – вздохнув, ответил Хачатур.

– О чем ты говоришь? Скоро будем дома!

– Я живу с семьей на собственной земле, которую мне выделило государство за долгую службу. Я сам себе хозяин, и мне надо платить налог за землю только государству, – стал рассуждать Хачатур. – В мое отсутствие рабы трудятся на моих виноградниках. Я могу купить еще рабов. После войны цена на них падает. В конце концов, я могу откупиться от призыва на войну. Но даже если бы я не смог заплатить налоги государству и мое имущество распродало бы за долги, я бы лишился только имущества, но не свободы. В твоем случае все гораздо хуже. – Хачатур вздохнул. – Твоя семья живет на общинной земле. Община заботится о каж-

дом своем человеке. Но и каждый член поселения обязан трудится на общинных работах. А ты ушел из общины по собственной прихоти. Твою работу выполнял другой общинник. Поэтому, кроме государственных налогов, твоя мать должна будет выплатить старосте деревни стоимость общинных работ, которую ты выполнял бы, находясь дома. В противном случае, за неуплату долга, одну из твоих сестер продадут в рабство.

– Но у меня же есть деньги! Я верну свой долг общине, – возразил Аргишти.

– А еще государственный налог. И с чем ты останешься? Снова ты, твоя мать и сестры будете влачить жалкое существование до следующего призыва на войну? А если в другой раз тебе не повезет? А ты подумал, что сестер надо еще выдать замуж. А кто возьмет их без приданного? – Продолжал рассуждать Хачатур.

– Что же мне делать? – Спросил опешивший Аргишти.

– Есть много вариантов. – Хачатур стал перечислять: – Можно, например, пойти на службу в какой-нибудь государственный пограничный гарнизон и получать жалование. Лет через двадцать станешь ветераном и получишь от государства кусок земли в собственность. Либо можно примкнуть к вольным наемникам – казос, хеттам. Спрос на них всегда высок и в среде купцов и у воюющих аристократов, поэтому они всегда при деньгах. Соберешь денег, купишь себе землю и заберешь из общины свою мать с сестрами.

– Наверно лучше к «гусям». У них денег побольше, – обрадовался Аргишти.

– Ну что же, – подумав, согласился Хачатур. – Есть у меня один знакомый хеттский рекс с берегов Куры. Пойдем, попробую тебя пристроить к этим самым курахетам из народа кизиков.

На том и порешили. На следующий день Хачатур повел Аргишти к лагерю вольных наемников. Его нетрудно было найти, из-за необычного вида палаток, которые назывались юртами и пасущихся рядом с ними табуна лошадей.

В отличие от ромейских лагерей, где все симметрично и рационально, лагерь федератов отличался кажущейся хаотичностью расположения юрт и кажущимся легкомыслием его обитателей. Там бродили группами и поодиночке полураздетые люди. Одни точили оружие: кинжалы, напоминающие римские мечи и предназначенные для прямых ударов, топоры для пешего боя, длинные ножи – шашки, предназначенные для рубящих ударов с коня. Некоторые фехтовали, некоторые боролись, а некоторые просто ржали как кони, слушая рассказ очередного балагура. А чуть поотдаль от лагеря, на берегу речушки стоял юрт, над которым поднимался столб белого пара.

– Неужели кому-то из наемников холодно в такую жару, что даже развели огонь в палатке? И почему палатка так далеко от остальных? – Изумился Аргишти, внимательно приглядываясь к быту гетов, как к предполагаемому месту своего дальнейшего обитания.

– А ты как думаешь? – Хитро переспросил Хачатур.

– Наверно там находятся люди заболевшие лихорадкой, от которой знобит. Вот и согреваются в палатке в такую жару. И подальше от остальных, чтобы больных не беспокоить лагерным шумом и чтобы болезнь не распространялась, – предположил Аргишти.

– Это имело бы смысл, если бы мы говорили о нормальных ромейских легионерах, – усмехнулся Хачатур. – Но мы сейчас идем к лагерю диких федератов. А у них не все как у нормальных людей. В этой палатке они кладут раскаленные камни в лохань с водой и подолгу сидят в горячем пару, иногда обтираясь травой или ветками с деревьев. Так они принимают омовения. И это у них называется баня.

– Разве не проще омыть тело в реке?

– Они и это делают, но обязательно после долгого сидения в раскаленном пару. Говорят, что так они очищают не только тело, но и душу. Поэтому подобную процедуру они проделывают всякий раз перед и после сражения. Если есть возможность.

– Действительно дикие! Для того чтобы очистить душу надо исповедаться священнику.

Так они беседовали, направляясь к стоянке гетов. Но, внезапно, при подходе к границе лагеря перед гостями, словно ниоткуда возник казар из охранения.

– Кто, куда, зачем? – Скороговоркой спросил он.

Хачатур скосил глаза и увидел, свой пост казар выбрал в ложбинке за кустом. Скрытая позиция, которую можно было обнаружить, только подойдя вплотную. Это разнилось с тем, как выставлялись стражники на охрану лагеря ополченцев. Открыто и просматриваемо как с извне, так и изнутри лагеря. «Караул», так кажется, называется стража у федератов, припомнил Хачатур.

– Лохаг Хачатур из византийских ополченцев с Кипра. Этот легионер со мной. Я старый знакомый риха Робити. Отведи нас к нему. – Хачатур слышал, как называли своих вождей готские федераты и потому употребил готский титул применительно к вождю казар. Сам он намеренно представился званием, которого его лишили за ослушание. Но казарам это знать было ни к чему.

Страж неторопливо оглядел их. Между тем и сами легионеры с интересом осматривали казара. С первого взгляда было видно, что страж не обременял себя доспехами, принятыми в византийской армии. Короткий суконный полукафтан из некрашеной шерсти. На кафтан обычно крепились металлические латы или кольчуга, но сейчас их не было. Под кафтаном холщевая рубаха была заправленная в широкие шаровары. Те в свою очередь были заправлены в остроносые сапоги, кожаную обувь, привязанную на подъеме ноги ремнями. Это вместо привычных ромейских сандалий. На голове, вместо шлема, кудлатая папаха из шкуры черной овцы. За плечами башлык – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх головного убора. Шаровары держались на поясе с помощью широкого кушака, трижды обернутого на талии. Из-за этого кушака в иранских землях таких, как стоящий перед ними казар прозывали кушанами. Опоясывал кафтан кожаный ремень с металлическими бляшками, на котором крепился прямой поясной кинжал, напоминающий гладий, меч ромейского легионера. В одной руке казар держал кавалерийскую пику, а в другой – кожаную плеть, нагайку. Универсальное оружие в умелых руках. Лицо казара заросло бородой и усами. На лбу казара черной краской был наколот равносторонний крест.

– Сван, проводи гостей до казбека, – произнес страж. – С другого бока и сзади внезапно и бесшумно появился другой караульный, заставив ромеев непроизвольно вздрогнуть. Вооружен и одет он был, как и первый страж, но на голове у него была круглая шапочка – подшлемник из войлока, также украшенный равносторонним крестом. Голова его была выбрита и только надо лбом, из-под подшлемника выставлен был на показ клочок волос – чубчик кекил. «Кажется это прическа неженатой молодежи, защита от сглаза», – отметил про себя Хачатур и проворчал:

– Фу ты, дети шайтана, напугал.

– Айда со мной, – сказал тот, которого называли Сваном, широко улыбаясь, по-детски радуясь произведенному эффекту.

– Скажи, друг, зачем твой напарник нарисовал на лбу крест? Для того чтобы все видели, что он христианин? – Спросил Аргишти у провожатого.

– Нет. Это «аджи». Он предохраняет от несчастья и болезней, – коротко ответил Сван.

Страж провел ополченцев по лагерю до юрты походного атамана. Казбек Робити Лад сидел на конской попоне расстеленной на траве у входа в юрту, скрестив ноги и что-то неспешно обсуждал с сидящими рядом казарами, греясь в лучах утреннего солнца.

Одет он был, как и прочие геты, но без кафтана и папахи. Верхнюю губу украшали пышные усы, свисающие ниже подбородка. Подбородок его был гладко выбрит. Голова тоже была выбрита, но ото лба до темени оставлена полоса волос. Стилизованный айдар, клочок волос показывающий принадлежность человека к воинскому сословию. На самом темени уже знакомый гостям круглый черный войлочный подшлемник, украшенный по верху равносторонним кре-

стом. Кушак и головной убор – два символа свободы у скифов, без которых появляться на людях было неприлично. В руках он держал булаву – символ атаманской власти.

Заметив подошедших незнакомцев, казары замолчали, с любопытством присматриваясь к Хачатуру и Аргишти. Сван коротко отрапартовал казбеку. Выслушав доклад, Лад махнул рукой, отпуская караульного. Затем предводитель гетов встал на ноги и радушно приветствовал гостей, как равных. Поднялись и остальные казары. Атаман ничем не показал, что удивлен или его смущают обезображенные лица гостей. «Хваленная выдержка хеттов. Они никогда не начинают разговор с расспросов о прошлом, считая это личным делом каждого», – подумал про себя Хачатур.

Обменявшись традиционными приветствиями и такими же традиционными вопросами о семье и о доме, собеседники уселись у входа в юрт. Собеседники вожака казар, сославшись на неотложные дела разошлись. Уважая своего предводителя и его гостей, и предоставляя им возможность побеседовать уединенно.

– Ну что, гости дорогие, может, сходим в баньку? Там как раз топят раскаленные камни, – предложил Лад.

– Нет, друг мой, – вежливо отказался Хачатур. – После битвы мы уже приняли омовение и получили отпущение грехов у священника. Мне хотелось бы поговорить с тобой по неотложному делу наедине. В присутствие моего молодого сородича.

Тогда атаман пригласил гостей войти в свой походный юрт. Он усадил их рядом с собой на почетной северной стороне, сразу за очагом находящимся в центре. В левом, восточном углу юрты сидела женщина. Судя по одежде, пленница из местных. Аргишти с нескрываемым интересом разглядывал перевозное жилище кочевников, так непохожее на палатки легионеров. Конструкция юрты была изготовлена таким образом, чтобы ее можно было легко собрать или разобрать. Она удобно перевозилась на лошадях выюком, была непромокаема в ливневые дожди, сохраняла прохладу в знойные дни и надежно укрывала от пронзительных ветров.

Атаман предложил Хачатуру и его спутнику утолить голод жареным мясом и традиционным пойлом федератов в походе – кислым кобыльим молоком. Но, заметив нескрываемое отвращение на лице молодого гостя, мясо и молоко заменил фруктами, вином и водой. Пищей привычной для ромеев. Их, по знаку хозяина поставила перед гостями пленная женщина. Молча, расставив блюда, она по знаку атамана, так же бесшумно удалилась из юрта.

Наконец, когда гости утолили голод и жажду, атаман на правах хозяина задал главный вопрос о цели визита гостя.

– Рад видеть тебя живым лохаг! Но, что делать, вероятно, какая-то нужда заставила тебя прервать радостные сборы в дорогу к дому, чтобы навеститься ко мне. Говори. Я тебя слушаю.

Правила вежливости не позволяли гостю начинать разговор первым. Теперь же Хачатур без утайки изложил свою просьбу. Потом еще добавил:

– Я слышал, что вы набираете мальчиков и юношей в боевое братство везде, где бываете. Еще я слышал, что в дальних походах вы используете мальчиков для снятия напряжения. Мой племянник готов оказывать такого рода услуги старшим братьям.

Атаман спокойно выслушал гостя. Если ему, что и не понравилось в его словах, он не показал это. Он немного подумал, потом заговорил.

– У каждого народа свои обычаи. Что поделаться? После каждого сражения мы недосчитываемся кого-то из братства гетов. Иногда из полка возвращаются домой лишь несколько человек. Наши женщины не успевают рожать и выращивать новых казаков. Поэтому вольный народ казак принимает у себя голь перекадную. Тех, кто лишился всего и ищет новый Юрт. И ты прав. Войсковое братство всегда открыто для новых кандидатов, – неторопливо атаман разъяснял гостям обычаи братства. – Под щитом «Журавля» ходят геты из разных Домов, Улусов или Юртов, хотя большинство наших казаров все-таки из разных казачьих племен. А с казаками ходят в геть не только мужчины, но и женщины, объединенные в сестринские союзы. Потому

что по древней традиции нашего народа, девушка может завести семью, лишь получив боевое крещение. Сразившись и победив врага. Для членов братства во время похода они сестры. Так о каком же непотребстве ты тут упомянул? На глазах у своих сестер? Нет! Это недопустимо. – Голос атамана стал твердым. – Конечно, случаются иногда нарушения. И тогда провинившихся наказывают. Но по нашим обычаям брат не может поднять руку на брата. Даже на недостойного. Поэтому наказание у нас одно – камень на шею и в воду. Жизнь в войске идет в соответствии с честью нара, заповеданной Небесным Отцом, наставлениями дуки бека Буса Белояра и отца Иоанна Златоуста.

– Неужели все наемники в походе уподобляются монахам? – Небрежно встрял Аргишти, передернувшись.

Лад сделал вид, что не заметил бестактности Аргишти, заговорившего раньше, чем к нему обратились. Он приписал это его взволнованности и ребячей нетерпеливости.

– Я видел в лагере пленных женщин. Разве это не рабыни для утех? Да и вот тут только что была..., – не унимался Аргишти.

– Верно, – подтвердил атаман. – Эти женщины законная добыча и доля гетов. Таковы правила. Они их могут продать, подарить или убить. И тешиться с ними тоже позволительно. Но только после боя и без насилия, а по обоюдному согласию.

– А если не согласятся, – не унимался Аргишти.

– Братья мусульмане говорят, что в раю их ждут сотни гурий девственниц. Они возлежат на перинах и покорно ждут, когда же придет очередной праведник, чтобы по первому его требованию раздвинуть перед ним свои ноги. По этому образцу, тут на юге приучили женщин к покорности. Сделав похожими на безропотных гурий. Что поделать. К тому же, устранные картины сражения и ради спасения жизни, местные женщины готовы отдаться любому встречному с оружием в руках. И делать все, что от них требуют.

Реже попадаются такие, что готовы отстаивать свой дом и свою честь, даже ценой собственной жизни. Я полагаю, что, в таких женщинах течет кровь древних воительниц. Это про них пророк Мухамед, мир ему, сказал²², что земные женщины превосходят гурий в тысячи раз.

– Это потому что сопровождают мужей в походах? – Скривился Аргишти.

– Не только, – ответил атаман. – Главное – потому, что в отличие от райских девственниц земные женщины рожают. Воительницы не только сражаются вместе с мужчинами, но и продлевают казачий род. Как завещал Светлый бог: «...Плодитесь и размножайтесь...».

Потому таких девушек геты обычно забирают с собой и отдают старшим женщинам своего юрта на воспитание. Со временем из них получаются достойные продолжательницы казачьего рода. И та, что вы видели у меня из таких женщин. Она ранила казара и готова была покончить с собой, чтобы сохранить честь. Я подросел во время и пленил ее. Теперь везу своей жене в подарок. На первых порах будет помогать ей по хозяйству. Правда, первое время пришлось держать эту тигрицу на цепи. Что поделать. Но теперь она смирилась, и я разрешил ей заниматься привычными делами по хозяйству.

– Значит она все-таки невольница, рабыня? – Настаивал Аргишти.

– У вольного народа нет невольников, – косо взглянув на юношу, произнес атаман. – Она плененная, но останется таковой только до границы империи. А после пересечения границы ей будет предоставлено право выбора: либо отправляться восвояси, в свой родной город, либо начать новую жизнь, как равная среди вольных людей.

– Выбор невелик, – пряча усмешку, заметил Хачатур. – Или одной, без сопровождения возвращаться в далекий разрушенный город, где ее никто не ждет. Сотни раз рискуя по дороге попасть в руки менее щепетильных людей или работорговцев. Или же начать новую жизнь сво-

---

²² Мухаммад сказал: «Женщины этого мира превосходят гурий в семьдесят тысяч раз». (Рассказал Хаббан бин Хабля, передал ибн аль-Мубарак).

бодной женщины и под защитой грозных воинов. И я даже с большой долей вероятности могу предположить, что она выберет. Извини рекс, если по незнанию, мы чем-то обидели тебя, – прижал руку к сердцу Хачатур.

– Да не рекс я, а казбек. Ладно, проехали, – махнул рукой Лад. – Земля полнится слухами, и не все они правдивы. Но как я уже говорил, братство гетов открыто для новых кандидатов. Нужно только забыть обычаи своего народа и начать жить по обычаям братства. И сначала нужно пройти небольшое испытание.

– А нельзя без испытания? – Спросил Хачатур.

– Можно, если ты спас в бою жизнь одного из членов братства. Да и само право на испытание тоже надо заслужить. Вот в этом я тебе смогу помочь, – ответил атаман.

– И что же это за испытание, – нетерпеливо спросил Аргишти.

– Испытание обычное, юноша. Надо подражаться на кулаках с тремя гетами и постараться их победить. Победой может засчитаться и сбитая с головы папаха.

– Это невозможно! – Воскликнул Аргишти.

– Казары – это воинское братство. Мы отбираем волчат, а не щенков.

– А что будет, когда кандидат выиграет схватку? – Спросил, более рациональный Хачатур.

– Его дальнейшую судьбу будет решать казачий Круг, – коротко ответил Лад. – Чистая формальность в основном для того, чтобы определить в какой курень приписать новичка. Там ему определяют место и наставника. Кстати, вам повезло. Как раз сегодня будут проходить испытание два мальчика. Геты подобрали их в городе. Они хоть из кухонных рабов, но дерзко сопротивлялись. Раб не должен мириться со своей участью. И если захочет, может стать свободным. Браты решили, что они достойны, чтобы выйти на испытание. Если вы готовы, пойдём со мной, поглядим.

Гости переглянулись и выразили согласие. Они покинули юрт, и Лад повел их на окраину лагеря, где уже толпились казары. Как только подошел казбек, казары расступились, образовав круг, на поляне. В центр круга вытолкнули двух юношей. Истощенных и чернокожих. Рабы, как было принято, были обнажены. Из всей одежды на них были только набедренные повязки.

– Ты можешь присоединиться к ним, – показал атаман Аргишти в их сторону.

– Послушай рекс, извини казбек, но они же чернокожие, – удивился Хачатур.

– Цвет кожи, волос и глаз, звание и род-племя не имеют значения в войсковом братстве, объяснил Лад. – Главное то, что внутри. Дух!

– Нет, нет, – смутившись, торопливо отказался Аргишти. – Я пока что подожду.

– Вольному – воля. – Произнес атаман и повернулся спиной к юноше, словно сразу забыв о его существовании.

– Рабы. Вам предоставлена честь, быть принятыми в боевое братство и изменить свою жалкую судьбу. Для этого вам дается одна попытка. Вы готовы биться за свою свободу и победить? – Громко произнес атаман, обращаясь к чернокожим юношам.

Оба мальчика закивали, показывая свое согласие.

– Кто хочет испытать их? Мне нужно шесть добровольцев. – Обратился атаман к казарам.

Из разных концов круга вышли молодые парни, не многим старше кандидатов. Они скинули рубахи и кафтаны. Пояс удерживал мешковатые штаны. Кудлатые шапки были лихо заломлены на затылки, оставляя свободными чубы кекилы.

– Тот, у кого соьют шапку с головы, немедленно выходит из драки, – напомнил атаман и махнул рукой.

Тотчас барабанщики стали выбивать бешенный ритм. Им вторили флейты дудуки. Геты не спеша замкнули испытуемых в круг. Молодые люди стояли в центре, прижавшись спиной к спине, и затравлено озирались.

– Эй, ты, кучерявый! Чего пялишься на меня, как «бурый»! – Спросил вдруг один из гетов и подскочив к парню ударил наотмашь его по лицу. Но удар пришелся вскользь. Юноша отпрыгнул. Затем он что-то закричал и черной молнией метнулся в ноги обидчику. И завертелось...

– Почему так важно не потерять шапку в драке? Это же просто смешно, – украдкой спросил Хачатур у атамана.

– Шапка символ вольности. Снять шапку – потерять и волю. Бьют шапкой о землю, если собираются биться не на жизнь, а на смерть. Привести шапку в юрт – значит сообщить о смерти казака, – объяснил как смог атаман.

Вскоре из общей кучи побоища выпал один из испытуемых. Он стоял на коленях, размазывая по лицу слезы, вперемешку с кровью и молил:

– Пощадите! Не бейте! Не надо! А-а-а!

Атаман развел руками в стороны. Три казака, окружившие орущего, заметив знак атамана, отошли в сторону.

Оставшийся на ногах раб уже не кричал. Он еще пытался отмахиваться, но уже как-то вяло. Три оставшихся гета по очереди наносили ему удары. Вот он упал на колено, тяжело дыша и откашливая кровь изо рта. Ему дали откашляться, затем один из гетов подошел, намереваясь снова ударить. Окровавленный чернокожий юноша перехватил ногу нападавшего казака. Опрокинул его и из последних сил, мертвой хваткой вцепился в горло обидчику. Подоспевшие братья едва оторвали его от своего товарища, ударом по голове послав испытуемого в спасительное забвение.

Аргишти усиленно теребил Хачатура за рукав. Глаза его умоляли: « Пойдем отсюда поскорее».

– Благодарю за доставленное удовольствие, – заторопился Хачатур. – Зрелище было, как на арене, во время гладиаторских боев. Но нам уже пора.

– Пора, так пора. Я провожу вас, – ответил атаман, который тоже заметил малодушие Аргишти. После этого, как радушный хозяин, проводил своих гостей до границ лагеря.

Они шли молча. По дороге Хачатур что-то обдумывал. И только когда пришло время расставания, уснул Аргишти вперед и задал свой вопрос:

– Послушай, атаман. Оба мальчика были жестоко избиты, и никто из них не победил. Это было понятно изначально. Невозможно кухонному рабу побить воина, а тем более трех. В чем же смысл этой жестокости? Что их ждет?

Лад усмехнулся.

– На свете много чудес, друг Хачатур. Например, я видел как один молодой ибер, раскидал трех казаков, как щенят. В чем тут смысл, спрашиваешь? – Лад подумал. – Думаю, пути этих мальчиков с сегодняшнего дня разойдутся. Того, кто взмолился о пощаде, продадут первому встречному торговцу рабами. А того, кто дрался до конца, казары примут в свое братство и для него начнется долгий путь обучения. Потому, что война – это ежедневный тяжелый труд. Где надо многое уметь и быть уверенным в своем товарище. И прежде всего, выживать и побеждать. Поэтому новобранца будут обучать, пока из волчонка мамлюка не вырастет матерый волк.

– Что-то подобное я и подозревал. Что ж, прощай казбек. Пусть Иисус не оставит тебя своей благодатью, – попрощался Хачатур.

– И тебе легкой дороги домой, лохаг, – ответил Лад. Он некоторое время стоял, задумчиво глядя им в след.

– Убей его, – сказала подошедшая к атаману женщина гет. Одетая она была в мужскую одежду, как и прочие казары. В войсковом лагере на нее возлагались обязанности духовного лидера. И она была главой сестринского объединения. Еще она обладала даром предвидения.

– Которого из них, Темер, – переспросил атаман.

– Молодого, – ответила Темер. – Чует мое сердце, много крови прольется из-за него.

– Не могу, Темер, – ответил атаман. – Я не святой, как пророк Хидр²³ и иду по дороге нара. Нет чести в убийстве того, кто слабее тебя. Этот мальчик еще не совершил тех грехов, за которые ты его уже приговорила. К тому же они мои гости и, по обычаю завещанному Бусом, они неприкосновенны.

– Твоя правда, казбек. И на все воля Божья, – согласилась Темер, и они вместе пошли обратно в лагерь, повернувшись спиной к удаляющимся путникам.

По дороге к своему лагерю Аргишти был весел и много болтал, а Хачатур угрюм.

– Тоже мне, кизики, курахетты, – Аргишти произнес это с презрительным отвращением. – Да от них воняет конским потом. А этот твой «что делать», – напыщенный фазан. Достаточно было его слова, чтобы меня зачислили в их войско. А он выдумал это избиение. Пусть избивают рабов. Если они получают от драки больше удовольствия, чем от женских ласк, то мне с ними не по пути. Дикари! Варвары!

– А я думаю, что Путь воина вообще не для тебя, – перебил излияния племянника Хачатур. – Путь любви – вот твоя дорога.

– Я не могу быть любовником богатых матрон из-за своего уродства. Грубый солдафон, прикидывающийся монахом лишил меня будущего. Ненавижу его! – прошипел Аргишти сквозь зубы.

– Есть и другой путь, чтобы попасть в их спальни. Окунуться в мир женских интриг, мир ароматов благовоний и ядов, противоестественной любви и грязного белья. И никаких драк. Для этого надо лишь заплатить лекарю за небольшую операцию, которая превратит тебя в евнуха.

В Константинополе у меня есть знакомый, который сможет пристроить тебя в дом к высокопоставленному вельможе. Если тебе наскучит женская половина имения, и ты, к тому времени, поднакопишь золота, то сможешь купить должность чиновника государственной службы. Евнухам там отдается предпочтение. А если найдешь высокопоставленного покровителя, то и денег на это не понадобится. Базилевсы меняются, а бюрократы остаются непоколебимы при любой власти. На них держится государство.

– А как же мое уродство? – Засомневался Аргишти.

– Повязки, полумаски и другие ухищрения – все это естественно в среде евнухов.

– Но я не смогу иметь потомства!?

– Ты не думал, почему на занятие должности у бюрократов есть преимущество для евнухов? – Спросил Хачатур и, увидев недоуменный взгляд племянника ответил:

– Сын воина, обычно становится воином, сын землепашца – землепашцем. Но ни один здравомыслящий царь не захочет, чтобы доступ к сокровищнице государства передавался по наследству у группы чиновников. Так уже случилось в Хазарии. И теперь тамошний царь служит у своего главного министра начальником охраны. Поэтому в Царском городе при получении государственной должности существует преимущество для евнухов. А твои сестры, в случае твоей удачи, вместо тебя смогут плодиться как кошки. Уж им – то ты сможешь обеспечить безбедное существование.

Оставшийся путь к своему расположению Аргишти молчал. Он что-то сосредоточенно обдумывал.

Киликийский поход завершился, и вскоре ополченцы были демобилизованы. Федераты, те, кто не спешил домой, рассчитались по контрактам с византийцами и заключили контракты на охрану с галатами и прочими скупщиками. Часть товаров грузилась на торговые галеры и отправлялось в порты Средиземного моря. Другая часть грузилась на вьючных животных или

---

²³ Хидр, Хидир, Хизр – исламский пророк, учитель Моисея. Хизир убил мальчика, из которого в будущем мог бы вырасти величайший деспот и садист.

телеги. Их собирали в караваны, и они отправлялись к рынкам на побережье Черного моря. А некоторые караваны шли в сторону Багдада. Всякое могло случиться во время долгого пути. Спрос на наемников был высок.

Сам базилевс отправился в Константинополь триумфатором. Особое место в захваченных у противника сокровищах занимали войсковые золотые кресты, украшенные драгоценными камнями. Эти кресты тарсийцы захватили при разгроме византийского войска, напавшего на Тарс под командованием domestика схол Стипиоты еще при Романе I Лакапине. Вот с этими отвоеванными реликвиями Никифор и поспешил вернуться в столицу.

По прибытии победителей Тарса встречали восторженные толпы горожан Константинополя. Отбитые у киликийцев реликвии государь Никифор торжественно передал патриарху Полиевкту. А тот выставил их в храме Святой Софии на всеобщее обозрение.

Всю осень Никифор провел в столице вместе с Анастасией и детьми. Юный Василий, сын Романа на всех смотрах сопровождал своего отчима, сидя вместе с ним на коне. Юный базилевс постигал воинскую науку от самого прославленного полководца.

Не зря утверждала молва, что ромеи больше других людей азартны и пристрастны к зрелищам. По его распоряжению для развлечения народа на ипподроме регулярно стали проводиться состязания колесниц, скачки и другие игры.

На западных границах империи продолжалась противостояние итальянских и немецких князей с переменным успехом. Отгону, как воздуха не хватало строгой церковной организации во всех слоях общества, чтобы управлять государством. До недавнего времени такой организацией служила латинская Церковь. Но папа Лев VIII почил и западные епископы стали неуправляемыми. Римские кардиналы требовали восстановить на кафедре Святого Петра папу Бене-

дикта Грамматика, но Оттон с этим категорически не соглашался и предлагал кандидатуру Лиутпранда Кремонского.

Противостояние длилось около полугода, пока предмет спора, папа Грамматик, как простой дьяк в далеком Гамбурге, не отправился следом за папой Львом.

Надо было искать кого-то, кто бы устраивал обе партии. И он был найден. Епископ Нарни и двоюродный брат свергнутого Иоанна XII был предложен в качестве компромиссного кандидата епископам Отгеру и Лиутпранду Кремонскому, посланникам Оттона. Избранный единогласно Иоанн Кресченци был рукоположен поместным синодом и занял кафедру Святого Петра под именем Иоанна XIII²⁴. Оттон возвращал Ватикан во владение аристократической семье Теофилактов, графов Тускулума, а за это новый архиепископ Рима поклялся, что латинские епископы будут по-прежнему служить интересам императора германской нации.

Но идиллия продолжалась недолго. Иоанн XIII слишком рьяно взялся за дело. Синьоры Италии не хотели возврата времен порнокрапии с немецким окрасом. Среди них ходили упорные слухи о восстановлении Равеннского экзархата. Сын бывшего короля Италии Адальберт II Иврейский с братьями появился с войском в Ломбардии, в то время как римская знать подняла восстание в Вечном городе. Под руководством, префекта города Петра, графа Римской Кампании¹⁷ Рофреда и вестарария Стефана, ведавшего папским облачением, знать воззвала к народу. В декабре, руководители римской милиции пленили папу и заточили его в замок Святого Ангела. Однако, опасаясь, что присутствие Иоанна вдохновит сопротивление, его перевезли в один из замков Рофреда в Кампании. Ватикан остался без своего главы.

И в это же время Константинополя достигла страшная весть. Слухи о гибели экспедиционного легиона и флота Византии на Сицилии повергло Царский город в шок. На Византию обрушилось действительно великое горе.

Курапалат Лев оплакивал смерть сына в своем поместье, в кругу домочадцев и не показывался во дворце. Никифор яростно бил кулаком себе в ладонь и метался в своих апартаментах. Он винил в поражении только себя. Только Анастасия и проедр Василий Ноф осмелились в это время показаться ему на глаза.

– Выиграв войну в Киликии, я проиграл войну на Сицилии. Понадеявшись на молодого и неопытного Мануила, я допустил ошибку. И вот расплата! – Ломал руки Никифор.

– Стечение роковых случайностей, Никифор, – успокаивал его Василий. – Что касается Сицилии, то напомню тебе, что и во времена Римской республики пунические войны с карфагенянами длились долго и с переменным успехом. Не все стратеги обладают твоими полководческими талантами, – не преминул польстить государю Василий.

В палату вошла Анастасия. Она подошла к Никифору и взяла его за руки. Он ощутил ее безмолвную поддержку. Ему стало чуть легче.

В это время, приоткрыв дверь, евнух палатин, подал знак Василию, не решаясь беспокоить басилевса. Тот подошел к двери и выслушал его. Никифор, стоял у окна с севастой, ничего не замечая. Он думал о чем-то своем, глядя вдаль.

---

²⁴ Иоанн XIII (ок. 938 – 6 сентября 972, Рим) – Папа Римский с 1 октября 965 года по 6 сентября 972 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.